

ЭЛИ БЕРТЭ

Дитя лесов

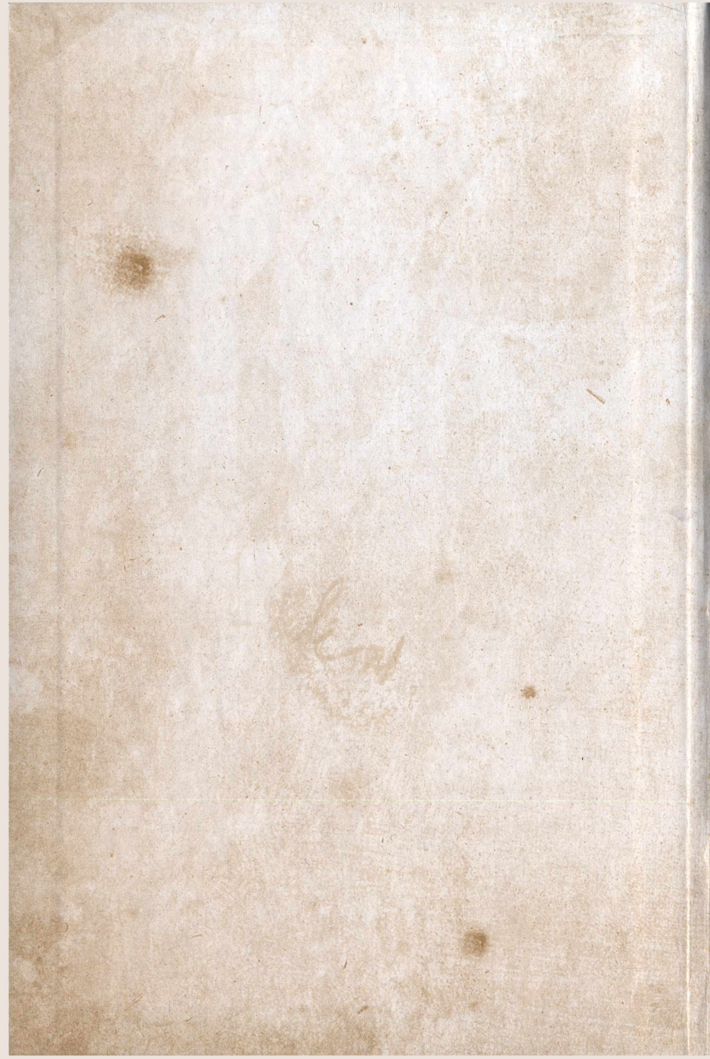

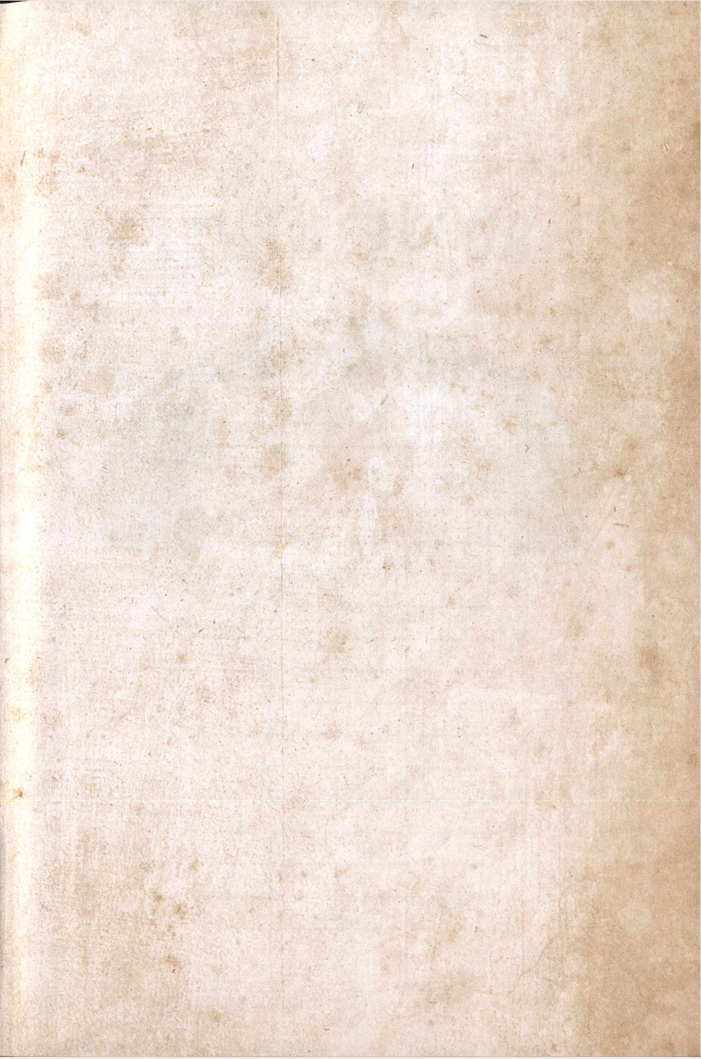
ISBN-978-5-91921-516-5

9 785919 215165

Дли Бертэ

ДИТЯ ЛЕСОВ

Перевод с французского

Москва
ЭНАС-КНИГА
2017

УДК 82-3
ББК 84-44
Б52

Élie Berthet
L'Homme des bois (1861)

Лит. обработка П. ЛЕБЕДЕВОЙ
Художник В. МИНЕЕВ

Бертэ, Э.

Б52 Дитя лесов / Эли Бертэ ; худож. Виктор Минеев ; лит. обработка Полины Лебедевой. – М. : ЭНАС-КНИГА, 2017. – 128 с. : ил. – (Книги на все времена).

ISBN 978-5-91921-516-5

Эдуард не любил учиться. Ему гораздо больше нравилось бегать в деревню, лазать по скалам и упражняться в стрельбе из лука. Когда восьмилетний мальчик однажды не явился к обеду, его родные заволновались. И, как оказалось, не зря – мальчика унес огромный орангутан. Отец бросается в самое сердце диких джунглей на спасение единственного сына.

Для среднего школьного возраста.

УДК 82-3
ББК 84-44

ISBN 978-5-91921-516-5

© П. Лебедева. Лит. обработка, 2017
© В. Минеев. Иллюстрации, 2017
© ЗАО «ЭНАС-КНИГА», 2017

Предисловие от издательства

Эли Бертэ (*Élie Berthet*, 1815–1891) родился во французской провинции Лимож в большой семье. С самого детства он отличался интересом к природе и страстью к чтению. Бертэ экстерном окончил лиможский коллеж и получил сразу два диплома бакалавра – по естественным наукам и литературе. Уже в коллеже он начал писать первые рассказы. Юношей Бертэ отправился в столицу якобы для изучения права, поскольку его родители были против литературной карьеры сына. Но в Париже он начал активно писать и пытался издавать свои произведения. Одновременно с этим он стал преподавать, чтобы как-то зарабатывать себе на жизнь. В 1835 году ему удалось опубликовать свои первые рассказы под псевдонимом *Ulie Raymond*. После этого он смог устроиться на работу в журнале *Le Siècle* и стал секретарем знаменитого в ту пору писателя Луи Денуайе.

Многие годы кропотливой работы не прошли даром, и после 1840 года стали выходить в свет разные его произведения. Постепенно

Эли Бертэ стал бесспорным классиком французской литературы. Он был очень плодовитым писателем и работал в совершенно разных жанрах: среди его произведений – и детективные романы, и драмы, и фельетоны, и приключенческие рассказы... Он даже создавал новые жанры! За свою долгую жизнь (а прожил он 75 лет) он издал более ста романов. Его книги были переведены на многие языки.

Роман «Дитя лесов» (*L'Homme des bois*) раньше знаменитого «Тарзана» Берроуза и задолго до создания Р. Кипплингом «Маугли» поднимает тему детей, попавших на воспитание к животным.

Сына богатого плантатора похищает орангутан – сильное, умное и выносливое животное. Отец несчастного ребенка отправляется в самое сердце Суматры, в дикие джунгли, чтобы спасти своего мальчика.

Роман адаптирован для среднего школьного возраста.

Глава I

Мизр

Эта история произошла на Суматре.

На этом большом малайском острове много высоких гор и непроходимых лесов, в которых обитают дикие и воинственные туземцы. Есть среди них даже людоеды, и они не откажутся съесть случайно заблудившихся здесь туристов.

Суматра – богатый край. Плодородные земли, спокойное море и многочисленные реки с прекрасными гаванями – истинный рай как для путешественников, так и для коммерсантов. В горах, где встречаются действующие

вулканы, скрываются настоящие богатства — драгоценные металлы, в том числе и золото.

В лесах полно деревьев, подходящих как для строительства, так и для столярного дела. Вокруг жилищ раскинулись богатые рисовые поля, на которых растет лучший в целом свете рис. Повсюду можно встретить плантации с черным перцем и сахарным тростником, камфорным деревом и другими пряностями.

За шесть месяцев здесь не падает ни одной капли дождя, и солнце всегда сияет в голубом небе. С первого взгляда жизнь на этой благодатной земле под густой тенью благоухающих деревьев и цветов кажется легкой и приятной.

Но, к несчастью, всякая медаль имеет обратную сторону, и Суматра таит в себе множество смертельных опасностей...

И одна из них — море. Обыкновенно оно бывает спокойным и ласковым, но стоит подуть сильному ветру — и он взбудораживает его до самых глубин. Кроме того, даже в спокойное время на мореплавателей могут напасть майские пираты — ночью они бросаются в атаку на своих длинных, узких, остроносых, незаметных в волнах лодках, называемых «летающими». Пираты безжалостно убивают экипаж корабля и похищают груз.

Но даже если поблизости нет пиратов, мореплаватель видит вокруг своего корабля бесчисленные стаи страшных акул, которые нигде не бывают такими свирепыми, как здесь.

Обыкновенно море бывает спокойным, но стоит подуть
сильному ветру – и он взбудораживает его до самых глубин.

Да и сам остров дорого расплачивается за свою роскошную красоту и плодородие. Извержения вулканов нередко вызывают ужасающие землетрясения, после которых разрушаются самые прочные жилища. В прохладных реках острова живут чудовищные крокодилы, которые легко могут проглотить неосторожного путешественника.

В лесах Суматры водятся дикие буйволы, слоны, тигры и другие не менее страшные звери. Тысячи опасных пресмыкающихся, среди которых – удавы и ядовитые кобры, скользят в траве, в то время как жилища островитян наполнены тучами насекомых, кажется, созданных только для того, чтобы терзать род человеческий.

Огромные растения гниют в болотах и лесах, распространяя совершенно отвратительный запах, и он постоянно чувствуется в воздухе, несмотря на благоухание цветов и пряных деревьев.

Западный берег острова, особенно опасный для якорной стоянки из-за постоянных туманов, получил от мореплавателей пагубное прозвище «Чумной берег». На этом берегу находятся Бенкулен и Паданг, два главных европейских владения на Суматре, и именно там произошла наша история.

* * *

Местность, о которой мы говорим, в начале XVIII столетия была маленькой голландской колонией. Новый Дронтегем (так называлась

эта колония) состоял из узкого, но глубокого и надежного порта, образуемого рекой и защищенного коралловым островком от морских бурь. В устье реки располагался редут*, оснащенный несколькими пушками в не слишком исправном состоянии. Гарнизон этого поста насчитывал пятьдесят человек, половина из которых была голландцами, а вторая половина — яванцами**.

Под защитой этого слабого укрепления, которое венчало вершину утеса, и была расположена деревня Новый Дронтгейм. Однако слово «деревня» не вполне подходит для этого поселения. В деревне одинаковые домики обычно веселой группой ютятся возле приходской колокольни. Здесь же дома были отделены друг от друга по обычаю этой страны и так заботливо защищены большими деревьями, что издали нельзя было даже подозревать об их существовании. Одни были выстроены из кирпича, а другие, похожие на простые шалаши из бамбука и тростника, чуть приподнимались над землей при помощи деревянных столбиков. И все дома имели только один этаж, потому что землетрясения каждую минуту могли разрушить более высокие и солидные здания.

В вечнозеленой роще, на некотором расстоянии от песчаного берега, в самом начале деревни стоял красивый дом. Он был построен

---

* Редут — небольшое укрепление, обнесенное земляным валом и рвом и предназначенное для круговой обороны (здесь и далее — примеч. ред.).

** Яванцы — жители острова Ява.

из дерева и кирпича и назывался губернаторским дворцом. Голландский офицер, командующий гарнизоном, именно там и устроил свою постоянную резиденцию. Солдаты, по примеру своего начальника, расположились в деревне и проводили в ней свободное от службы время. Последнее, правда, случалось очень редко.

За голландцами жили яванцы из Батавии*, затем предприимчивые китайцы, занимающиеся обработкой земли, и наконец, малайцы из разных племен, промысляющие охотой и рыбной ловлей. Самыми малочисленными были белые колонисты – они состояли из нескольких английских, французских и португальских матросов, по большей части дезертиров, которые устроились здесь, женившись на туземках.

Несмотря на столь большие различия в расах, языках и обычаях, обитатели Нового Дронтегейма жили мирно.

На самой отдаленной окраине колонии, то есть в двух-трех милях** от укрепления, находилось изолированное поселение, более просторное и роскошное, чем все остальные, и казавшееся по сравнению с ними настоящим чудом. Оно живописно располагалось на природной террасе, на возвышенности, что примыкала к вулканической горной системе острова. Благодаря этому поселение могло не бояться

---

* Батавия – здесь: город на острове Ява; в настоящее время – Джакарта.

** М и л я – мера длины, примерно 1,6 км.

«чумного» тумана, что возникал на Суматре каждое утро от соседства с морем и висел в воздухе по несколько часов до восхода могучего солнца; по всей вероятности, этот туман и был причиной нездорового климата острова.

Всю террасу занимали постройки, дорожки и сады. С тех сторон, где террасу не защищали неприступные скалы, ее окружали крепкие заборы из дерева и железа, а алоэ и другие колючие кусты вокруг придавали ей окончательно неприступный вид.

Прямо напротив цветущей аллеи стоял дом хозяина, построенный в элегантном китайском стиле. Вопреки местным обычаям, этот дом имел два этажа, но так как он был деревянный, обложенный подражающей мрамору штукатуркой, секрет которой знают одни китайцы, то подземные колебания были ему не страшны. Пышные кокосовые деревья распускались зеленым веером над его крышей, а над всем фасадом тянулась веранда – наружная галерея, украшенная цветами и вьющимися растениями. С высоты этой веранды можно было не только наблюдать за слугами во дворе и за работниками на соседнем поле, но и любоваться живописными видами на равнину, лес, реку и горы, на дома Нового Дронтейма, на крепость, рейд и, наконец, на океан, необъятная голубая ширь которого вдали сливалась с небом.

Вокруг главного здания стояли хижины, где жили слуги, и большие сараи, где готовили еду, хранили перец, рис и другие местные продукты. Хижины были самой разной формы, сообразно

с национальными вкусами людей, которые в них обитали. В круглых шалашах, похожих на ульи, жили по двое или трое черных невольников, которые несли домашнюю службу. Малайцы, назначенные пастухами к буйволам и козам, ютились в бамбуковых шалашах, поднятых над землей по местному обычаю. А китайские земледельцы уходили по вечерам в свои кирпичные дома, очень опрятно выкрашенные снаружи, но не слишком аккуратные внутри.

По этому поселку можно было судить почти обо всех различиях между национальностями, но ничто не составляло более резкого контраста с остальными его жителями, чем поместье и его хозяева.

Главой семейства и тогдашним владельцем имения был молодой европеец, высокий, хорошо сложенный, сильный, казавшийся настолько же умным, насколько представительным и красивым было его лицо. Звали его Ричард Пальме. Его жене, изящной красавице Елизавете Пальме, англичанке с белокурыми волосами и розовыми щечками, было около двадцати восьми лет. По достоинству ее манер и любезности разговора можно было безошибочно определить в ней женщину, рожденную в высших кругах общества.

У Елизаветы и Ричарда был восьмилетний сын, звали его Эдуард. Еще в доме жили госпожа Сиррей, сестра Ричарда, и Анна Сиррей, ее дочь. Госпожа Сиррей была вдовой знатного чиновника, убитого в схватке с индусами. Одинокая, с маленьким ребенком на руках, она ис-

кала покровительства у брата, и он приютил у себя мать и дочь, окружив их заботой, какой они заслуживали.

Госпожа Сиррей исполняла в этом поместье обязанности экономки, тщательно следя за расходом денежных средств и заботясь об общем благе.

Сама же Елизавета была погружена в заботы о воспитании Эдуарда и Анны. В то время как Ричард распоряжался работами на дворе и полях, она, при помощи нескольких книг, имевшихся в домашней библиотеке, старалась дать сыну и племяннице необходимые знания. Десятилетняя Анна имела мягкий характер, быстро соображала и легко усваивала все уроки своей тетушки. Эдуард же, напротив, не делал особых успехов, чем сильно огорчал мать. Он не очень любил учиться. Ему гораздо больше нравилось бегать по деревне, лазать по скалам, упражняться в стрельбе из лука и ходить вместе с рабочими-китайцами или малайцами на плантации. Анна пыталась пробудить в Эдуарде интерес к учебе, но, хотя мальчик очень любил свою сестру, попытки эти были тщетны. Он всегда обещал исправиться, но вскоре забывал эти обещания.

* * *

Стоял сентябрь. В это время года на Суматре дуют очень сильные ветра.

В день начала нашей истории небо, обычно столь ясное, было затянуто густыми облаками.

Но жара тем не менее стояла нестерпимая, и все жители острова страшно от нее страдали.

Ричард Пальме, в широкополой соломенной шляпе, нанковой* куртке и панталонах, стоял на веранде своего дома с подзорной трубой в руках, внимательно наблюдая за черной точкой, показавшейся вдали на море. Сбоку от него на высоком тростниковом стуле, обернутая газовой вуалью для защиты от moskitov, сидела Елизавета. Она казалась слабой и утомленной.

На другом конце веранды на складном стуле с учебником в руках сидела маленькая Анна Сиррей. Она была в белом платье, как и ее тетька, и также носила газовую вуаль от moskitov. Порой, раздвигая эту докучливую материю, девочка открывала солнцу свое милое лицо и шею, и легкий ветер, дующий с моря, играл шелковистыми кольцами ее волос.

Анна склонилась над книжкой, и губы ее шевелились, как будто она учила урок. Однако девочка выглядела рассеянной — по какой-то причине она не могла учиться с обычным прилежанием. Иногда Анна смотрела на тетю Елизавету, но чаще все-таки девочка глядела на аллею, раскинувшуюся перед домом. Она явно ожидала кого-то, но этот кто-то все не приходил.

Наконец Ричард Пальме сложил свою подзорную трубу и сказал:

— Корабль под голландским флагом огибает остров Ронд... Конечно, он из тех, что приез-

---

* Н а н к а — плотная хлопчатобумажная ткань.

жают из Батавии к нам в этот сезон, чтобы нагрузиться пряностями. Не позже чем через час он будет на якорной стоянке, и мы услышим новости.

— Разве нам нужны эти новости теперь, когда мы окончательно порвали связь со светом? — смеясь, ответила Елизавета. — Главное, Ричард, позаботься о том, чтобы продать свой урожай капитану корабля, идущего в порт. И не думай о том, что происходит на той стороне земного шара.

Ричард снова открыл подзорную трубу и начал смотреть вдаль.

Между тем маленькая Анна не могла совладать с охватившей ее тревогой. Рассеянность девочки не позволяла ей сосредоточиться на книге, которую она держала в руке. Обдумывая, как лучше задать свой вопрос, Анна скользнула к госпоже Пальме и застенчиво спросила у нее:

— Милая тетя, где же мой кузен Эдуард?

— Он пошел с негритянкой смотреть, как убивают бетель*, — рассеянно ответила Елизавета.

— А поля с бетелем ведь находятся на краю леса?

— Конечно, но к чему ты это говоришь?

— Скоро настанет ночь, а затем...

---

* Бётель — вечнозеленое растение, листья которого имеют лекарственные свойства и используются как специи. Жители малайских островов также смешивают листья бетеля с семенами бетелевой пальмы и известью, получая нечто вроде табака для жевания, который очень вреден для здоровья.

В эту секунду к ним подошел Ричард, и Анна замолчала.

— Вот корабль входит на рейд, — сказал он с озабоченным видом, — и майор Грудман посылает навстречу шлюпку, чтобы его досмотреть... Моя дорогая, я определенно должен спуститься в Новый Дронтгейм и узнать обо всем, что происходит в мире! Но прежде я зайду к доктору и попрошу его взглянуть на тебя, потому что ты неважно выглядишь.

Елизавета не стала удерживать мужа и только настойчиво попросила его вернуться поскорее. Но как только Ричард Пальме оставил веранду, его внимание привлекло новое событие.

Две массивные телеги въезжали в этот момент во двор. Эти телеги, запряженные черными буйволами с огромными рогами и свирепыми глазами, были нагружены листьями бетеля, собранными в поле. Несколько человек сопровождали непокорную упряжь, а во главе конвоя шел, оскалив зубы, китаец Яв, староста рабочих господина Пальме.

Яв был обладателем желтой одутловатой физиономии, криво посаженных глаз, висящих усов, бритой головы, но длиннейшей при этом косы, которая спускалась из-под его заостренной соломенной шляпы. Яв был очень похож на одну из тех физиономий, которые рисуют на китайских изделиях из фарфора.

Он был одет в простую голубую рубашку и панталоны. Постоянная улыбка, распускающаяся на его широком лице, делала Ява

смешным в глазах европейцев. Характер этого китайца был привлекателен не больше, чем его внешность. Староста рабочих был трусом, лгуном, плутом и к тому же жадиной. Однако при этом Яв был прекрасным земледельцем, — сильным и трудолюбивым; он всегда первым являлся на работу и последним бросал ее, — и эти заслуги, в сочетании с его неизменной веселостью, ценили снисходительные хозяева, закрывая глаза на недостатки китайца.

Анна, заметив Ява, поспешно позвала его, и он приблизился к девочке, по обыкновению оскалив в улыбке зубы. Тогда барышня Сиррей, повиснув на балюстраде галереи и стараясь говорить по-простому, на наречии, бывшем в ходу у жителей колонии и состоящем как будто из всех языков сразу, спросила, не видел ли он на плантациях маленького Эдуарда и негритянку Марию.

Китаец склонил голову.

— Да, да, — ответил он, — Яв видел Эдуарда и Марию.

— Где они были? Куда пошли? — беспокоилась девочка.

— В сторону леса. Мария не хотела, Эдуард хотел. Эдуард мал, но он хозяин, и они туда пошли.

— В лес! — вскрикнула Анна, всплеснув руками. — Но разве они не знали, что в той стороне видели тигра?

— Ге-ге! Да, тигр там бродит, правда, — сказал китаец, как будто все время смеясь. — Сегодня, когда мы работали на полях, буйволы

замирали каждую минуту, как они обычно делают, если почуют рядом тигра. Они мычали и смотрели на лес... Яв очень боялся, но много буйволов – гораздо сильнее, чем тигр.

– Дядя Ричард, милая тетя, – закричала Анна, – вы слышите?.. Эдуард!.. Тигр!..

Но плантатор и его жена и так не пропустили ни одного слова из этого разговора. Ричард мгновенно встрепенулся, а Елизавета, словно забыв про собственную слабость, вскочила со стула.

– Мой сын... Мой Эдуард! – воскликнула она.

– Успокойтесь, Елизавета, Анна! – авторитетно произнес Ричард, хотя в его голосе не было обычной твердости. – Тут, без сомнения, какая-то ошибка... Сейчас я сам расспрошу этого человека.

Пальме подошел к китайцу и начал задавать ему вопросы. Не переставая улыбаться и переминаться с ноги на ногу, Яв подтвердил, что час тому назад видел, как Эдуард и Мария направились к лесу, где днем был замечен тигр.

– Проклятая негритянка! – рассердился колонист. – Если с моим сыном хоть что-нибудь случится, я ей покажу!

– Мария не хотела туда идти, – возразил Яв. – Эдуард от нее убежал, а негритянка последовала за ним.

– Но ты, Яв, – почему ты не сказал им, что к лесу приближаться опасно?

– Яв был далеко и работал, чтобы опять вырос бетель... Работа – золото, как говорит ум-

ный... И потом, маленький Эдуард – хозяин... Он не послушался бы Ява...

– Следовало вернуть его силой! Почему ты не пошел за ним в лес?

– Ге-ге-ге! Тигр съел бы Ява!

– Подлый дурень! – крикнул Пальме с негодованием. – Ты заплатишься!..

Но, взглянув на безмятежное выражение лица своего собеседника, он вспомнил, с кем имеет дело, и с отвращением отвернулся.

После этого Пальме прошел в свой кабинет, увешанный всевозможным оружием, взял двустольное ружье и заткнул за пояс пару кавалерийских пистолетов. Уже выходя из дома, он заметил, что за ним по пятам идут Елизавета с Анной.

– Ричард, куда ты? – спросила Елизавета.

– На поиски своего глупого ребенка. Впрочем, не отчаивайся: это, скорее всего, просто новая проказа Эдуарда.

– Ричард, я иду с тобой!

– И я! – крикнула маленькая Анна. – Я хочу помочь Эдуарду!

Пальме не мог сдержать улыбки.

– Хорошие же из вас будут помощники! – сказал он, смеясь. – Ну, Елизавета, давай без глупостей! – продолжал он уже вполне серьезно. – Я надеюсь, что все это закончится строгим выговором непослушному ребенку и неосторожной служанке.

– По крайней мере, Ричард, вооружи слуг и возьми их с собой.

— Ба! Так мы просто потеряем время. Они все страшные трусы. Хотя есть тут один малаец... Его зовут Истребитель Слонов. Не знаете, он сейчас в колонии?

— Увы! Нет, дядя! — ответила плачущая Анна. — Я видела, как он спустился в деревню. Наверное, он пошел на петушиный бой. А другой малаец, которого зовут Дымящая Трубка, погнал стадо коз в горы.

— Тогда я пойду один.

— Мой друг, мой дорогой Ричард!

— Милый дядя!

Анна и Елизавета обхватили его руками. И в то время как Ричард пытался от них освободиться, отворилась дверь, и в дом поспешно вошла госпожа Сиррей.

Пальме быстро сказал ей:

— Сестра, прошу, позаботься об этих бедных созданиях и не позволяй им делать глупости. Я скоро приведу сюда своего озорника, который все время заставляет нас тревожиться... И чтобы никто отсюда и шагу не смел ступить!

Ричард выскочил из дома и помчался по аллее.

Пальме был сильным, ловким и храбрым, да и события вроде происходящих сейчас не были редкостью в его жизни, полной приключений.

По удивительному совпадению, прежде чем Пальме выбежал из аллеи, он встретил малайца по имени Истребитель Слонов, возвращавшегося в колонию в сопровождении своей доче-

ри. Его помощь могла быть сейчас весьма полезной Ричарду.

Истребитель Слонов был из племени батаков. Батаки слыли дикими и воинственными, жили они в центре острова и считались людоедами. В колонии Ричарда Пальме Истребитель Слонов работал пастухом. Он сторожил буйволов, а его дочь наблюдала за молочным погребом. Однако эти обязанности мало соответствовали тому, что делал этот малаец, потому что буйволы, большей частью запряженные в телеги и фургоны, работали в полях, а когда возвращались вечером, о них заботился уже другой работник – Дымящая Трубка.

На самом же деле Истребитель Слонов был охотником. Вооруженный длинным, тяжелым ружьем, он рыскал по окрестным горам, иногда углублялся в соседний лес, чтобы настрелять для своих хозяев диких индюков, фазанов и ланей. Ему приходилось охотиться и на слонов, отчего он и получил свое прозвище. Но гораздо больше, чем слонов, этот малаец убил тигров, и этими победами он завоевал исключительную репутацию среди своих соотечественников.

Малайцы верили, что души их усопших предков переходят в тела тигров, вот почему они не слишком стремились на них охотиться. Только в случае, если тигр убил кого-либо из близких родственников охотника, он мог поднять оружие на этого зверя. Как раз в таком положении находился Истребитель Слонов –

его мать была съедена одним из тигров прямо возле собственного дома.

Характер Истребитель Слонов имел совершенно невозмутимый. Никто и никогда не замечал в нем никаких слабостей, кроме любви к петушиным боям. Он даже сам занимался воспитанием петухов, и его нередко встречали с пернатым чемпионом под мышкой.

Кожа Истребителя Слонов была медного цвета, лоб казался узким и низким, нос был приплюснутый, скулы выдавались вперед, а спокойные, блестящие глаза, наоборот, были глубоко посаженными.

Одежда Истребителя Слонов состояла из полосатых панталон до колен и куртки с короткими рукавами, которая открывала татуированные руки. Каян саронг – нечто вроде шарфа – покрывал плечи малайца. Вокруг лба был обернут цветной платок, а сверху этой своеобразной чалмы торчало несколько прядей жестких нечесаных волос. Икры и ступни охотника были голыми. Два ножа с зубчатым лезвием, заткнутые за пояс, дополняли эту экипировку.

Дочь Истребителя Слонов была стройной и красивой девушкой с легким характером. На ней была полосатая куртка из ситца, спускавшаяся до бедер, и юбка, державшаяся на ее талии с помощью вышитого пояса. Полупрозрачная ткань служила девушке шарфом или вуалью. Ее великолепные черные волосы, собранные по китайской моде на затылке, были заколоты двумя длинными черепаховыми

булавками. На руках и щиколотках у нее звенели серебряные кольца. Дочь Истребителя Слонов называли Легкой, причем не только за ее чудесный покладистый характер, но и потому что она очень легко и красиво плясала.

В то время, когда Ричард Пальме встретил Истребителя Слонов и его дочь, они возвращались с петушиного боя, и малаец нес под мышкой своего петуха — совершенно общипанного, окровавленного, но, очевидно, победителя — если судить по тому, как гладил хозяин его взъерошенные перья.

Увидев Пальме, малаец остановился. Не потому, что хотел выразить этим уважение хозяину поместья, — это было бы противно его независимому нраву. Просто по суровому лицу колониста, его стремительной походке и оружию, которым тот был увешан, Истребитель Слонов догадался, что случилось что-то особенное.

В нескольких словах Ричард объяснил ему, в какой опасности могут быть Эдуард и негри-тянка.

Это известие тронуло Истребителя Слонов больше, чем можно было ожидать.

— Эдуард!.. Тигр!.. — молвил он гортанным голосом. — Пойду, возьму мое ружье!

Он хотел бежать к поместью, но Пальме его удержал.

— Твое ружье? — переспросил колонист. — Не стоит терять время. Возьми мое. Надо спешить! С меня довольно и пистолетов.

Истребитель Слонов не колебался. Он передал дочери петуха, затем схватил оружие,

предложенное ему Ричардом, и они быстро пошли по направлению к лесу.

Дочь Истребителя Слонов завершила драгоценного петуха в шарф и, напевая, продолжила путь к поместью.

* * *

Ричард Пальме и Истребитель Слонов все больше углублялись в плантации, пересекая их напрямик, чтобы скорее добраться до леса. Они не разговаривали, но горели одинаковым нетерпением.

Истребителю Слонов были чужды проявления обычных человеческих чувств, но Эдуарда он, можно сказать, любил. Малайцу нравилось в мальчике вовсе не его прелестное детское личико — в сыне хозяина его привлекало то, что все прочие считали недостатками юного Эдуарда. Он порой был несдержанным и дерзким, зато любил физические упражнения, оружие и опасные приключения. Все это восхищало Истребителя Слонов. Ему казалось, что из Эдуарда вырастет достойный воин, не хуже, чем он сам. Тем более что мальчик в силу своей по-детски наивной жестокости разделял страсть малайца к петушиным боям. Эдуард долго уговаривал родителей позволить ему присутствовать на этих ожесточенных битвах. Несколько месяцев тому назад он подарил Истребителю Слонов редкого петуха, которого мальчику дал майор Грудман, губернатор острова, и этот славный петух доблестно пал на поле брани.

Подобный подарок очень впечатлил нелюдящего малайца, и его привязанность к молодому хозяину выросла в десятикратном размере.

Не переставая двигаться вперед, Ричард время от времени звал сына, но никто не откликался. Надвигалась ночь, и поле опустело. Работники ушли в свои жилища — новость о прибытии корабля, без сомнения, ускорила их возвращение в Новый Дронтгейм.

Наконец Пальме и Истребитель Слонов приблизились к лесу, который в этот вечерний час казался особенно опасным.

Лес, о котором здесь идет речь, несколько не походил на материковый и вполне оправдывал ужас, который к нему испытывали жители острова. Никто не мог определить его протяженности — знали только, что, если там заблудиться, можно плутать несколько месяцев, если раньше тебя кто-нибудь не съест.

Лес этот, конечно, защищал жителей Нового Дронтгейма от диких племен внутренней части острова, но это преимущество было сопряжено с бесчисленными неприятностями и опасностями.

Испарения от гниющих деревьев и разлагающихся листьев в торфе и трясинах способствовали нездоровому климату округа. Кроме того, все дикие животные выскакивали оттуда, как из крепости, чтобы нападать на людей и опустошать поля. То носороги или дикие слоны приходили ночью топтать урожаи и разрушать плантации, то шайка крупных и мелких обезьян за несколько часов очищала

от плодов все фруктовые деревья. Иногда один из тигров, называемых «человекоеды», рыскал по возделанным полям и похищал неосторожных, а порой гигантский удав охватывал своими ужасными изгибами какое-нибудь домашнее животное...

В лесу росло так много лиан и других вьющихся растений, а на земле было так много рытвин, ям и стволов упавших деревьев, что даже самые смелые из колонистов не осмеливались заходить дальше двух-трех миль. Только на опушке леса деревья были не так густы. Здесь встречались протоптанные тропинки — колонисты, нуждаясь в деревьях для своих построек, много работали топором. Но через несколько сотен шагов тропинка пропадала — и человек, осмелившийся зайти так глубоко в лес, оказывался в царстве диких зверей, где смерть поджидала его за каждым кустом.

Именно туда, по-видимому, и направился глупый маленький Эдуард вместе со своей служанкой. Ричард Пальме и малаец время от времени окликали их, но слышали лишь эхо. Однако, войдя в лес, они с радостью различили голоса, отвечающие на зов.

— Это они, — сказал колонист, с трудом переводя дух. — Слава Богу, мы успели вовремя!

Но его надежды были преждевременны: как только Пальме умолк, вдали вдруг кто-то закричал, затем этот крик заглушило страшное рычание, от которого задрожал вечерний воздух. Колонист побледнел, узнав голос своего сына.

— Бежим! — воскликнул Ричард.

Они бросились вперед со всех ног и лишь только миновали первые деревья, как увидели негритянку, бегущую им навстречу с маленьким Эдуардом на руках. Оба кричали от ужаса, как будто их преследовал страшный невидимый враг.

Наконец встревоженная молодая негритянка с расширенными от страха глазами подбежала к Ричарду и Истребителю Слонов. Она передала ребенка Пальме и прерывающимся голосом сказала:

— Берегите его... Спасите его... Маленький господин невредим...

И, задыхаясь от быстрого бега, в изнеможении упала на траву.

Первым порывом колониста было броситься между чудесно найденным сыном и той частью леса, откуда слышался рев тигра, но Истребитель Слонов уже занял эту позицию. Своими рысьими глазами он всматривался в темные своды леса, где теперь царила гробовая тишина.

Эдуард Пальме был совершенно очаровательный чертенок, гибкий и достаточно крупный для своих лет, с загорелым лицом с правильными чертами, черными глазами и белокурыми волосами. На нем был простой костюм, состоящий из панталон и куртки белого цвета. Шляпа с широкими полями, сплетенная из камыша, держалась на его голове при помощи шнурка. Несколько маленьких стрел с наконечниками из притупленного железа

Истребитель Слонов бросился к той части леса,
откуда слышался рев тигра.

было воткнуто в его индийский пояс из голубого шелка.

Обычно движения Эдуарда были резки и порывисты, а речь – живой и горячей, но в эту минуту шалун выглядел испуганным – казалось, он понимал, насколько серьезная опасность им угрожает.

Несмотря на это, бедный отец, увидев мальчика здоровым и целым, не мог сдержать своей радости – он поднял Эдуарда на руки, прижал к груди и горячо поцеловал, правда, не удержавшись от упрека:

– Жестокий ребенок, столько хлопот ты нам доставляешь! Неужели в тебе нет ни капли жалости ни к матери, ни ко мне?

Эдуард молчал, обнимая отца.

Наконец, поставив ребенка на ноги, Ричард строго посмотрел на негритянку, сидевшую на земле.

– Мария, – сердито сказал он, – тебе ведь хорошо известно, что ты заслуживаешь наказания. Ты обманула наше доверие!

– О хозяин, о мой добрый господин, но... Это он... Это маленький господин Эдуард...

Услышав свое имя, мальчик поспешил на выручку служанке.

– Папа, – сказал он твердо, – не брани бедную Марию! Она не виновата, это я, я один! Мама позволила нам пойти посмотреть на уборку бетеля, и я ушел с Марией. Я захватил лук и стрелы, чтобы стрелять птиц, которые клюют рис... Но где же он, мой лук? – прибавил мальчик,

беспокойно оглядываясь. — Должно быть, я потерял его в лесу...

— Ладно, — нетерпеливо перебил сына Пальме, — твой лук найдут или сделают тебе новый.

— Но у меня никогда не было настолько большого и верного лука, как этот!.. — возразил мальчик, продолжая свой рассказ. — Ну хорошо! Мы пришли на плантации, я начал искать птиц, а потом мы встретили негра Дария... ты знаешь его? Он мне сказал: «Господин Эдуард, видели вы большой цветок, который растет в лесу возле старого бавольника*? Он такой огромный, что вы могли бы в него лечь, и там еще место осталось бы». Тогда я захотел увидеть большой цветок и сказал об этом Марии, но Мария не хотела. Я спрятался, она меня звала, я спрятался еще дальше, потому что хотел найти большой цветок. Мария бросилась бежать за мной, но я бегаю быстрее. Я убежал от нее в лес.

— И ни один из этих бездельников не сказал тебе, что в той стороне сегодня видели тигра?

— А разве кто-то знал, что там был тигр? Я не знал, и Мария тоже не знала. Дарий хотел пойти с нами, но Мария его прогнала. Она вошла со мной в лес, но я спрятался. Я непременно хотел увидеть большой цветок и надеялся, что ей надоест меня искать и она уйдет, но она не уходила. Когда Мария отошла немного подалее, я поднялся, чтобы идти к бавольни-

---

* Бавольник — то же, что хлопчатник, дерево высотой до семи метров из семейства мальвовых.

ку — и все-таки нашел цветок! Только тогда я ответил Марии, которая плакала, звала меня и плакала... Мария, дай я тебя поцелую! — прибавил мальчик, обнимая негритянку за шею. — Мне очень жаль, что так получилось!

Ричард внимательно выслушал этот рассказ, полностью оправдывающий негритянку. Он спросил ее уже более мягким тоном:

— Мария, все так и было?

Бедная негритянка казалась восхищенной красноречием Эдуарда и слушала его, открыв рот. Она ответила сквозь слезы и смех:

— Господин Эдуард говорит лучше, чем Мария, но все это очень верно... Только маленький господин не сказал еще ничего про тигра!

— Да, да, — кивнул колонист, содрогааясь при воспоминании о страшном реве. — Должно быть, вас преследовал тигр, я слышал его рычание. Как вы от него скрылись?

— А! Это правда, — смущенно сказал Эдуард. — Пока мы удивлялись, стоя перед большим цветком, в зарослях, в нескольких шагах от нас показался тигр. Я испугался, хотя это был красивый зверь. Тогда Мария начала кричать, я тоже закричал, но тигр зарычал еще громче. Он прыгнул бы на нас, но вдруг большой, мохнатый и странный человек появился перед нами, и он ударил тигра огромной палкой, которая была у него в руке. Но я не видел, что было дальше, потому что Мария схватила меня на руки и побежала изо всех сил. Без сомнения, тогда я и потерял свой лук, но я его найду.

Пальме был поражен.

– Что он болтает? – спросил он Марию. – Кто тот смельчак, что рискнул броситься на тигра с палкой? Он, должно быть, уже съеден!

– Нет, нет, господин! Наоборот, он убил тигра!

– Убить тигра палкой – это нелепость, Мария! А кто этот человек? Ты его знаешь?

– Нет, господин. Но он был очень большой, очень сильный... Из тех людей, которые не говорят.

Ричард не понял, что это значит, и засыпал служанку вопросами. Но она продолжала повторять, что их спаситель был из тех людей, «которые не говорят или не хотят говорить».

Колонист задумался, тщетно пытаясь объяснить себе это странное происшествие. Наконец он обернулся к Истребителю Слонов, который, оставаясь безучастным, жевал свой бетель, и спросил его, намерен ли тот продолжать свою охоту.

– Тигр умер, – спокойно возразил малаец.

– Умер? Почему ты так думаешь?

Истребитель Слонов объяснил, что рев, слышанный ими ранее, перешел в жалобный стон, а потом вдруг оборвался, что указывает на внезапную смерть хищника. Хотя Пальме доверял опытности своего спутника в таких вещах, но все же с сомнением покачал головой.

– Прекрасно! Тогда мы можем быть спокойны, – сказал он. – Следовало раньше уничтожить это проклятое животное, поселившееся так близко от моего поместья. Истребитель

Слонов, мы хорошо вооружены и должны убедиться, правда ли то, что тигра больше не нужно бояться... Ты, Мария, – продолжал он, обращаясь к негритянке, – скорее возвращайся с Эдуардом в дом и не давай ему прятаться. И не останавливайтесь по дороге, потому что дамы, в особенности моя бедная Елизавета, наверняка до сих пор в смертельном страхе.

Мария, обожавшая свою хозяйку, живо послушалась приказания и взяла Эдуарда за руку, собираясь увести его, но маленький своевольник энергично воспротивился.

– Нет, нет, – возразил он упрямо. – Я теперь с папой, и мне нечего бояться. Мне хочется снова посмотреть на большой цветок и увидеть мохнатого человека, который убил тигра палкой... И, может быть, я найду свой лук. Правда же, папа, мой добренький папочка, вы мне позволите идти с вами и с моим другом Истребителем Слонов?

Ричард попробовал было вразумить непослушного мальчугана, но, не преуспев в этом, согласился взять его с собой и отослать Марию в поместье одну. Ему нужен был проводник, чтобы отыскать место сражения, и Эдуард мог в этом помочь.

На одну руку он посадил маленького шалуна, а в другую взял кавалерийский пистолет. Приняв эти меры предосторожности, Ричард отпустил Марию, велел сообщить Елизавете о своем скором возвращении в колонию, и углубился в лес, сопровождаемый Истребителем Слонов.

Хотя лес в этой части не был слишком заросшим, темнота сгущалась под сводами и вокруг царил таинственная тишина. Малейший шум, хруст сухой ветки под ногами охотников, хлопанье крыльев птицы, ищущей ночлега, — любой звук вызывал тревожное, робкое и жалобное эхо.

Эдуард указал пальцем на искомое дерево. Он не болтал по своему обыкновению, как будто торжественность этой лесной глуши действовала и на него.

Почва здесь была неровная. Путь преграждали огромные древесные корни, кактусы, гигантские папоротники. Ричард шел медленно, внимательно осматривая каждый куст, каждый пучок травы и крепко прижимая к груди сына. Истребитель Слонов понимал, что необходимо держаться настороже — он приготовил сразу и нож, и двустволку, — но, в отличие от своего хозяина, внимательно смотревшего под ноги, малаец оглядывал верхушки деревьев, как будто ожидал опасности именно оттуда.

Вскоре они очутились у подножия старого бавольника, где и произошло невероятное спасение мальчика и его служанки. Это дерево — одно из тех громадных растений, о которых не имеют представления в северных странах. Малайский бавольник — соперник знаменитого сенегальского баобаба, величайшего дерева на свете; он такой высоты, что даже стрела, пущенная из самого сильного лука, не всегда долетает до его вершины.

Бавольник же, о котором мы говорим, был особенно замечателен. Его макушка словно пропадала в облаках – возможно, столетий десять понадобилось природе, чтобы вырастить такое чудо. Даже колонисты, вырубая деревья, отступили перед ним, понимая, как трудно его свалить. Самые гордые пальмы казались жалкими кустиками рядом с этим королем леса.

Под сенью этого гиганта находилось другое необыкновенное растение. Это был огромный цветок, который так заинтересовал Эдуарда. Малайцы знают этот цветок под именем «крубуль*». Он не имеет ни листьев, ни веток. Лепестки его красно-фиолетового цвета, и каждый более фута** в длину, а целый цветок – более десяти футов в окружности. Но, к сожалению, он источает очень неприятный запах, как будто природа, наделив этот цветок удивительной красотой и грандиозностью, пожелала сберечь аромат для других, менее счастливых растений.

Увидев цветок, Эдуард вернулся к своей обыкновенной болтливости и попытался прыгнуть с рук отца – может быть, для того, чтобы покататься в лепестках, как в атласной постели. Ричард кинул на необыкновенное растение рассеянный взгляд, но, сознавая реальную опасность, продолжал осматриваться по сторонам. Что же касается Истребителя Слонов, то он по-прежнему не заботился о том, что находится у него под ногами, и тщательно изучал

---

* Речь идет о цветке Раффлезия Арнольда.

** Ф у т – мера длины, примерно 0,3 м.

ветви старого бавольника, подымавшегося над их головами зеленой пирамидой.

Вдруг Пальме тревожно вскрикнул. В углублении между двумя гигантскими корнями он увидел огромного тигра, свернувшегося так, будто он готовился к прыжку. Ричард прижал сына к груди и уже хотел спустить курок пистолета, когда малаец спокойно сказал ему:

— Не стоит беспокоиться... Я верно говорил. Тигр умер...

Истребитель Слонов подошел к неподвижному животному и небрежно перевернул его, схватив за ногу.

Казалось, что зверя убила молния. Пальме никак не мог отыскать объяснение этой мгновенной смерти, и тогда малаец положил его руку на спину тигра. Через кожу ощущался совершенно разбитый позвоночник. Затем малаец указал Ричарду на сломанную палку, лежавшую рядом с тигром. Это была настоящая дубина, оторванная от казуарины, или железного дерева, и переломившаяся пополам от удара невероятной силы.

Пальме был очень удивлен, но не мог отрицать очевидного.

— Я никогда бы не поверил, что человек способен на такой удар... Неужели какой-то силач смог вот так убить тигра?

— Орангутан, — коротко ответил малаец.

И тут Ричард все понял. Он сразу же вспомнил многочисленные рассказы о невероятной силе, ловкости и смекалке этих огромных обезьян, которых малайцы называли орангами.

Теперь ему стало ясно, что имела в виду Мария, утверждая, что тигр убит «одним из тех людей, которые не говорят». Многие малайцы считали орангутанов просто ленивыми людьми, которые убегают в лес, чтобы не работать.

Ричард немало слышал об этих обезьянах, но это был первый случай, когда один из них оказался в окрестностях Дронтгейма. И это была плохая новость (даже несмотря на спасение маленького Эдуарда). Ведь орангутан – единственное животное, которое не боится ни тигров, ни слонов, ни носорогов и внушает всем этим лесным чудовищам самый настоящий ужас – несколько не меньший, чем человеку.

– Значит, я обязан жизнью моего сына орангутану? – протянул изумленный Пальме.

– Орангутан! – закричал Эдуард. – Я очень бы хотел на него взглянуть! Я не успел его рассмотреть, Мария так быстро меня увела... Он ведь не злой, потому что убил тигра, который хотел нас съесть... Я хочу увидеть орангутана!

Теперь Ричард понял и то, почему малаец все время смотрел на деревья – он думал, что победитель тигра находится неподалеку. Однако наступала ночь, чаща вокруг них темнела, и вскоре совсем ничего нельзя будет разглядеть. Ричард знал: никогда оранг не бывает так опасен, как оставаясь невидимым. В самый неожиданный момент охотник может упасть с разбитым лбом, даже не подозревая о близости своего могучего врага.

Как только Пальме осознал все это, он снова взял Эдуарда на руки и сказал ему сдавленным шепотом:

– Бедный мальчик! Ты не понимаешь, о чем просишь... Забудь о своем желании увидеть это животное.

– Как! Папа, разве это животное? – наивно спросил Эдуард. – Мария мне часто рассказывает про орангов, и она уверяет...

– Эгей! – крикнул вдруг малаец позади них.

Они быстро обернулись. Истребитель Слонов указывал рукой на что-то в кроне бавольника.

– Там... там, – сказал он тихо, – вы видите его?

Но Ричард и Эдуард не были настолько опытными охотниками, поэтому они ничего не смогли различить в этой темной вышине. Их взгляды заблудились в лабиринте листьев и ветвей огромного дерева.

И вдруг резкое движение и нечто вроде глухого ворчания привлекло их внимание.

Между двумя большими ветками на фоне пока еще светлого неба показалось бородатое дикое лицо со сверкающими глазами. Глаза эти следили за каждым движением людей, стоящих внизу, и, казалось, угрожали им.

Истребитель Слонов вскинул к плечу ружье, но Пальме отклонил его в сторону и сказал:

– Не стреляй, я тебе запрещаю! Как бы ни был опасен этот орангутан, он спас жизнь моему сыну и Марии! Я не потерплю, чтобы ему причинили зло.

– И я тоже, и я тоже, – воскликнул Эдуард, замолотив по воздуху руками, – я не желаю, чтобы моему орангутану было плохо!

– Я хотел не стрелять, а только спугнуть оранга! – возразил малаец. – Он очень высоко, а ружье очень мало... Я приду сюда с моим собственным ружьем, копьем и отравленными стрелами.

– Я тебе запрещаю, – сердито перебил его Пальме. – Запомни, Истребитель Слонов, если ты когда-нибудь осмелишься напасть на эту обезьяну, оказавшую мне столь важную услугу, то я с тебя строго взыщу!

Малаец не был способен оценить великодушные своего хозяина, но все же он промолчал.

– Здесь нам делать больше нечего, – продолжал Ричард. – Вернемся поскорее в поместье. Я не успокоюсь, пока не унесу Эдуарда за пределы возможности нападения этой обезьяны. Поверь мне, Истребитель, не раздражай этого оранга! Он может быть опасен, если его тронуть.

Охотник и сам разделял мнение Ричарда, но приказ не трогать обезьяну только еще больше раззадорил Истребителя Слонов.

– Тигр принадлежит тебе, – прибавил Пальме. – Завтра утром придешь за ним с кем-нибудь из товарищей, и доктор фон Штеттен заплатит тебе за его шкуру. Он интересуется естественной историей*. А теперь пойдем.

Этот подарок утешил малайца и заставил его на время забыть про обезьяну.

---

* Естественная история – устаревший термин, обозначавший области знания, которые в настоящее время относят к естественным наукам, или естествознанию.

Истребитель Слонов попробовал взвалить тигра себе на плечи, но это ему не удалось. Тогда он оставил зверя на прежнем месте, решив все же послушаться Пальме и прийти за ним на следующий день.

Все вместе они двинулись в обратный путь.

Поначалу мальчик капризничал, ведь он хотел отыскать свой лук. Но короткие сумерки уже заканчивались, на небе засияли первые звезды. Кроме орангутана в лесу было множество других опасностей, поэтому отец даже не стал слушать Эдуарда.

Пока люди шли к выходу из леса, орангутан все время следовал за ними, хватаясь за ветки, и его огромное тело, висящее на длинной руке, черным силуэтом обрисовывалось на темнеющем небе.

А через несколько минут Эдуард уже переходил из объятий матери в объятия тетки и кузины и с наивным хвастовством без умолку рассказывал им, что он видел и что делал в этот полный приключений день.

Глава II

Орангутан

В тот вечер Ричард Пальме был слишком взволнован, чтобы думать о корабле, который бросил якорь возле Нового Дронтгейма. Но на другой день утром он вспомнил о своем желании узнать новости и вышел из дома.

Было еще рано, и густой туман, который на Суматре называют «кабут», стелился над деревней. Переходя двор, Ричард с трудом различал очертания хижин, где жили слуги. Этот туман не приносил с собой свежести, как северные густые туманы, — нагретый невидимым

горячим солнцем, он походил на удушливый пар из кипящего котла. Эта тяжелая, сырая теплота сдавливала легкие, и могучему экваториальному солнцу каждое утро требовалось несколько часов, чтобы вконец рассеять эту густую мглу.

Но Ричард давно привык к такой температуре и влажности. Прежде чем отправиться в порт, он решил проверить, все ли в порядке в усадьбе.

Отдав приказания одним и отчитав других работников за лень, Пальме хотел уже спуститься в деревню, как вдруг услышал в тумане чье-то прерывистое дыхание и несколько резких голландских выражений. Ричард немного подождал, и спустя несколько секунд из тумана вышел маленький толстяк, одетый по-европейски, несмотря на раннее утро. Лицо этого человека, обычно спокойное и добродушное, сейчас было красным, по лбу тек пот, и дышал он как загнанный лесной буйвол.

На голове визитера красовалась старая шляпа. Выцветший мундир охватывал его толстый живот, а драповые* панталоны и плотные шерстяные чулки дополняли этот странный костюм, мало подходящий к здешнему климату.

Еще у толстяка был парик, обсыпанный рисовой пудрой, который он из предосторожности нес на кончике своего зонта, и большие очки с зелеными стеклами. Они постоянно запотева-

---

* Драп — тяжелая и плотная шерстяная ткань.

ли из-за жары и тяжелого дыхания визитера, мешая ему видеть.

Этим странным человеком был господин Авенариус фон Штеттен, член многих ученых обществ и полковой врач голландского гарнизона в Новом Дронтгейме.

— А, милый доктор! — приветствовал его Ричард. — Так-то вы боретесь с этим проклятым туманом! Не отвечайте. Пойдемте ко мне, вам надо срочно выпить стакан воды.

Доктор хотел ответить, но ему не хватило голоса, и он позволил отвести себя в нижний зал, где царила относительная прохлада. Там он хлопнулся на стул, который чуть не сломался под его внушительным весом. Ричард заставил его выпить два стакана воды, прежде чем доктор наконец пришел в себя, вздохнул, натянул парик на свою лысину и сказал, откашлявшись, чтобы прочистить горло:

— Тысячу благодарностей вам, господин Пальме! Господи, ну какая жарища!.. Живя в Голландии, я даже не подозревал, что в один прекрасный день соскучусь и по льду, и по снегу!

— Вы, я надеюсь, пришли навестить больную, дорогой мой фон Штеттен? — спросил Ричард. — Моей жене нездоровится, и я прошу вас осмотреть ее. Еще очень рано, Елизавета пока спит, но я пойду, скажу ей...

— Нет-нет, не будите ее, — произнес доктор поспешно. — Четверть часа сна будут полезнее для нашей прекрасной больной, чем все предписания врачей. Конечно, я схожу к госпоже Пальме сегодня, но, по правде говоря, я все же

не настолько рассеян, чтобы явиться к вам в такой час без важной причины...

– Бьюсь об заклад, речь идет о естественной истории? – рассмеялся Ричард. – Вас следует опасаться, доктор! Вам не страшны ни дождь, ни туман, когда вы стремитесь добыть редкое растение, насекомое или четвероногое.

– Экая неблагодарность, господин Пальме! – сердито возразил фон Штеттен. – Да, это черная неблагодарность, и вам это очень хорошо известно... Когда вы сломали ногу, и я спешил к вам, забираясь на ту треклятую гору на самом солнцепеке... Когда во время ужасной бури я прибежал сюда спасать Эдуарда от солнечного удара, тогда дело было отнюдь не в естественной истории!

– Я виноват, фон Штеттен, мой благородный друг, – перебил доктора Ричард, крепко сжав его руку, – вы лучший из людей. Я прошу у вас прощения... Мы поговорим о цветах и животных, но чуть позже, а сейчас я прошу вас удовлетворить мое любопытство насчет корабля, что стал на якорь вчера вечером в нашей гавани. Знаете ли вы, откуда он и что ему тут надо?

– Как! Разве вы еще не слышали, Пальме? – ответил фон Штеттен уже совсем не обиженным. – Это галера «Гертруда» из Батавии, под началом капитана фон Роера. Он прибыл сюда за грузом пряностей. Я рассчитываю воспользоваться его возвращением, чтобы послать в Батавию мои коллекции, которые оттуда отправятся в Голландию. Он непременно обратит-

ся к вам, Пальме, как к самому богатому колонисту, чтобы купить все нужные ему пряности. А теперь, когда я ответил на ваши вопросы, позвольте спросить, в свою очередь, вас. Я хотел бы услышать рассказ о той опасности, которой избежал вчера мой маленький друг Эдуард.

— Ага! Вы уже знаете об этом приключении? — воскликнул Ричард. — Как быстро расходятся слухи!..

Пальме удовлетворил любопытство доктора и поведал ему все подробности вчерашнего приключения. Фон Штеттен слушал с большим интересом, особенно оживляясь, когда Ричард рассказывал о цветке, тигре или орангутане.

— Вот это да! — воскликнул доктор, когда колонист закончил свой рассказ. — Надо же, убил тигра! Я слышал, что оранг может одолеть слона, но тигр... А еще этот цветок! Его обязательно надо изучить! Что же касается тигра...

— Вам нечего беспокоиться о тигре, доктор, — улыбнулся Ричард, протягивая руку к окну, занавешенному прозрачной сеткой, — он уже сам идет к вам.

Как раз в эту минуту Истребитель Слонов и другой малаец, Зоркий Глаз, входили во двор. На деревянной перекладине они несли тело тигра.

Малайцы положили свою ношу в тени лимонного и бананового деревьев. Туда живо сбежались обитатели поместья, чтобы посмотреть на зверя. Несколько китайцев, негров и негритянок, среди которых была и Мария, не смели

приблизиться к тигру, хотя и знали, что он мертв. Малайцы, напротив, равнодушно тормозили босыми ногами пасть животного, как будто бы желая пробудить его свирепость.

Хотя тигр весил более трехсот фунтов* и два приятеля должны были нести его не менее двух миль через горячий туман, ни одна капля пота не стекла с бронзовых лбов этих неустойчивых людей. Они ждали, неподвижные, в глубоком молчании, пока им скажут, что они должны делать со своей добычей.

Фон Штеттен, как и следовало ожидать, сразу же побежал к тигру, закрывшись от солнца своим огромным зонтом. За доктором степенно следовал Ричард Пальме.

Как только они подошли к тигру, из дома вышел Эдуард. Он тащил за руку свою кузину Анну. Она слабо сопротивлялась и со страхом отворачивалась от мертвого зверя. Тогда мальчик оставил ее в покое и, поприветствовав отца и доктора, бросился теребить длинный тигринный хвост, за что удостоился легкой улыбки от мрачного Истребителя Слонов.

Анна же спряталась за одной из негритянок и иногда выглядывала из-за ее спины, следя за действиями своего кузена.

Фон Штеттен, присев на корточки, изучал тигра с жадным любопытством. Пальме воспользовался этим моментом, чтобы спросить Истребителя Слонов, не заметил ли он во время утренней прогулки вчерашнего орангутана.

---

* Ф у н т — мера веса, примерно 0,4 кг.

Оказалось, что малаец видел его в густой листве старого бавольника, но был занят переноской тигра, поэтому не стал беспокоить «лесного человека».

— Все-таки, — прибавил он спокойно, — по видимому, он решил жить по соседству с вашими плантациями, и, если мы не позаботимся о его переселении, он перебьет ваших работников.

— Хорошо, — сказал Пальме, — надо заставить орангутана уйти туда, откуда он пришел. Мы пойдем в ту часть леса, где он сейчас обитает, большой толпой и будем громко шуметь — этого, скорее всего, будет достаточно, чтобы напугать его и обратить в бегство. А до тех пор я запрещаю моим людям стрелять в него пулями, стрелами или дротиками... Все меня слышали?

В это мгновение с опечаленным видом поднялся доктор фон Штеттен.

— Экая жалость! — воскликнул он. — У тигра сломаны кости! Невозможно изучить его анатомию... Но шкура нетронута и восхитительна, она чудесно впишется в мою коллекцию.

— Вам остается лишь купить ее у владельцев, — сказал Ричард.

— Охотно! Каковы их условия? Послужите нам переводчиком, Пальме. Я ни одного слова не понимаю на их причудливом жаргоне.

Ричард кивнул и поинтересовался у малайцев, какую цену они назначат за тигра. Ответ Зоркого Глаза был скор и короток. Ему были нужны некоторые лекарства из запасов

доктора. Истребитель Слонов свои претензии излагал гораздо дольше. И когда он наконец замолчал, Пальме сказал по-голландски доктору, с нетерпением ожидавшему результата переговоров:

– Право слово, я даже не знаю, как вы отреагируете... – Ричард рассмеялся. – Истребитель Слонов не только уступит вам свою часть тигра, но и снимет с него шкуру при условии...

Колонист закашлялся от смеха.

– Ну же! – нетерпеливо поторопил его доктор.

– Странное условие!.. Оно, пожалуй, рассердит вас... Дело, видите ли, вот в чем: он хочет, чтобы вы позаботились об одном смертельно раненном.

– Смертельно раненный! Но разве это не мой долг – помогать всем, кто страдает?

– Конечно, но речь идет о... В общем, доктор, Истребитель Слонов рассчитывает на вашу врачебную помощь его любимому петуху, превосходному боевому петуху, получившему тяжелую рану во вчерашнем бою.

Фон Штеттен подпрыгнул от удивления, да так, что его массивные зеленые очки соскочили с носа, а парик повернулся на лысине, окутавшись облаком рисовой пудры.

– Чтоб его черт взял с петухом вместе! – воскликнул он. – Он думает, что профессор Лейденского университета, кандидат естественных наук и доктор медицины унизит свое искусство до лечения драчливого пернатого петуха?!

– В лесах Суматры нет университетов, поэтому тщетно объяснять ваши достоинства это-

му малайцу. Но петухов он ценит более золота и сочтет вашу помощь весьма почетной. Предупреждаю вас: если вы не согласитесь, он может отказать вам в своей части тигра.

— Хорошо, хорошо, так уж и быть... Я буду лечить петуха!

Договор был заключен, и, пока два малайца переносили тигра в соседний сарай, чтобы там снять с него шкуру, дочь Истребителя Слонов пошла за раненым петухом. Много хлопот стоило доктору вынуть его из мешка и перевязать раны воинственной птице, выразившей ему свою благодарность несколькими сильными ударами клюва.

Работники начали возвращаться к своим занятиям, а члены семейства Пальме направились в столовую на утренний чай. Но тщетно хозяин дома приглашал фон Штеттена к ним присоединиться: доктор решил остаться в сарае, в обществе воинственного петуха и Истребителя Слонов, который с истинно охотничьим искусством мастерил чучело королевского тигра.

* * *

После утреннего чая, когда Ричард уже собирался уходить, Анна, стоявшая у окна, из которого был виден двор, вдруг закричала:

— Эдуард, иди скорей сюда! Вон, посмотри, там в паланкине* губернатор, майор Грудман...

---

* П а л а н к и н — крытые носилки на жердях.

И какой-то другой господин, тоже в паланкине, оба носильщика одеты в белое... Ах, как это красиво! Иди скорей!

Одним прыжком Эдуард оказался возле кузины.

— Да, да, это мой друг, майор Грудман, — воскликнул мальчик, хлопая в ладоши. — Знаешь, Анна, пока эти господа будут говорить о скучном с папой, давай заберемся в паланкин — и нас понесут по аллее... Вот будет забавно!

Ричард тоже подошел к окну, чтобы рассмотреть визитеров. Одним из них действительно был майор Грудман, голландский офицер, начальник гарнизона Нового Дронтгейма. Другим оказался мужчина лет пятидесяти, одетый то ли в европейский, то ли в индийский костюм.

— Да, это майор и, наверное, кто-то с бывшей к нам вчера «Гертруды». Милая Елизавета, иди в свою комнату. Ты еще слишком слаба, чтобы исполнять роль хозяйки... А ты, сестра, уведи детей, незачем им слушать взрослые разговоры.

Губернатор был славным голландцем, немножко грубым, немножко тщеславным, который тем не менее слыл энергичным и надежным человеком. Был он очень худ, и его старый мундир, не раз уже перешитый, болтался на нем, а слишком широкие чулки выдавали худобу его икр. Тем не менее майор Грудман имел вид важный и величественный, носил широкополую шляпу и ходил гордо, опираясь на трость с золотым набалдашником (хотя сам набалдашник, по правде говоря, был давно потерян

Майор Грудман шел с мужчиной лет пятидесяти, одетым то ли в европейский, то ли в индийский костюм.

и не заменен новым). В другой руке майор держал большую серебряную трубку и время от времени выпускал из нее клубы дыма. Чуть позади майора стоял второй путешественник, которого не знали в доме Ричарда Пальме.

Носильщики паланкина, оставив своих хозяев у дверей, отошли под деревья в глубине двора. А Грудман, вынув изо рта трубку, протянул руку подошедшему Ричарду и сказал ему покровительственным тоном:

— Рад вас видеть, господин Пальме. Надеюсь, у вас все в порядке. Помните, что губернатор этой колонии всегда готов защитить вас.

Ричард, вежливо отвечая на любезности старого майора, провел гостей в приемный зал. Эта комната была самой богатой и элегантной в доме.

Пальме усадил гостей на софу и засуетился возле губернатора, который, казалось, был польщен таким приемом. Однако, когда гостеприимный хозяин дома велел подать прохладительные напитки, Грудман запротестовал.

— Послушайте, Пальме! — сказал он. — Не ставьте весь дом вверх дном из-за меня. Я человек простой и неспесивый. Позвольте лучше представить вам господина Вильяма Смита. Господин Смит вчера прибыл к нам на «Гертруде», и капитан, задержанный на берегу починкой некоторых деталей корабля, поручил этому джентльмену купить провизию. Я решил сам привести к вам господина Смита, но так как я не в курсе цен на камфору, рис

и все прочее, то не буду вам мешать — потолкуйте наедине.

Грудман поднялся.

— Как, вы уже уходите, господин майор? — спросил Ричард.

— Нет-нет, я заметил, что у вас тут сейчас находится доктор фон Штеттен... Он, по-видимому, сильно занят славным зверем, который вчера едва не слопал моего маленького друга Эдуарда, и я хочу взглянуть на этого тигра. Ну, займитесь вашими делами, господа... Желаю вам удачно договориться.

И он величественно направился к выходу из приемного зала.

* * *

Пока взрослые говорили о делах, а губернатор навещал в сарае доктора фон Штеттена и любовался прекрасной тигриной шкурой, Анна и Эдуард в обществе негритянки Марии находились в саду.

Они сидели в небольшом деревянном домике для отдыха, выстроенном в глубине сада. Домик этот напоминал беседку, и внутри него всегда царила свежесть, столь драгоценная на Суматре.

Госпожа Сиррей поручила Марии наблюдать за детьми, но служанка, не сомкнувшая глаз после вчерашнего приключения с тигром, зевала так, что были видны все ее тридцать два зуба, пугавшие своей белизной малайцев.

Эдуард говорил на свою любимую тему — о тигре и орангутане. Он гордо уверял, что скоро вернется в лес, чтобы снова посмотреть на большой цветок и отыскать свой лук, ведь это прекрасный лук, стреляющий более чем на сто шагов.

Услышав подобные слова, Мария проснулась, вздрогнула и резко поднялась со стула.

— Вы не сделаете этого, господин Эдуард! — произнесла она с ужасом. — Вы не пойдете в лес, никогда... Никогда! Человек, который не говорит, вас унесет!

— Унесет? — воскликнул мальчик без тени страха. — Хотел бы я увидеть, как он меня унесет!

— Боже вас сохрани, господин Эдуард! — продолжала взволнованная негритянка. — Вы еще очень молоды, вы не понимаете... Прошу вас, дорогой мой маленький господин, не ходите в лес!

— Но я же говорю тебе, что не боюсь... И потом, этот орангутан меня любит. Он защитил нас с тобой от тигра, который мог нас съесть. Значит, я смело пойду в лес и отыщу мой лук.

— О, нет, нет! Откажись от этой мысли, Эдуард, мой милый Эдуард! — горячо воскликнула Анна, со слезами кинувшись брату на шею. — Я прошу тебя! Я умоляю тебя!..

Отважный Эдуард сам готов был заплакать, но с деланой твердостью отвечал:

— Ты — девочка, кузина Анна, а я — мужчина и не боюсь, как ты!

Услышав подобные слова, Мария проснулась, вздрогнула и резко поднялась со стула.

– Ну да, я боюсь! – всхлипнула Анна. – Не ходи туда... Обещай мне не ходить в лес!

Но мальчик колебался. Тогда кузина решила переменить тон и с кокетством промолвила:

– Ну, хорошо же, Эдуард, теперь я очень ясно вижу, что ты меня не любишь!

– Нет! Я люблю тебя!

– Значит, ты не хочешь, чтобы я тебя любила!

– Что ты... Осмелюсь только хоть немножко не любить меня!

– Так знай же! Если ты принесешь мне букет цветов, я отдам его козе, а когда ты захочешь меня поцеловать, я убегу...

Эдуард чуть не расплакался.

– Посмотрим, – возразил он, шмыгая носом, – если ты выбросишь мои букеты или откажешься меня поцеловать... Я ведь посильнее тебя, и я тебя одую!

– Ого! А я заплачу и тоже буду драться!

Эдуард больше не сердился.

– Нет-нет, я не буду тебя бить! Я не хочу, чтобы ты плакала! – громко закричал он. – Кузина, извини меня, я был злой, нехороший... Прости меня, я сделаю все, что ты захочешь!

– Тогда никогда не возвращайся в лес, где эта большая, противная обезьяна может тебя убить или унести!

– Хорошо, не буду.

– И больше никогда не думай о своем луке, большом цветке и обо всем остальном!

– Нет, нет, клянусь тебе!

— Хорошо, — кивнула довольная Анна. — Тогда я тебя прощаю!

Итак, мир был заключен и скреплен поцелуем — к большому удовольствию негритянки. Когда дети поцеловались, она захлопала большими черными руками и громко засмеялась.

— Вот и хорошо! Вот и хорошо! — повторяла Мария. — Да, маленькая барышня знает, как за дело взяться, она будет настоящей хозяйкой!

После этого дети пребывали в прекрасном настроении, и каждый из них говорил приятное другому, чтобы забыть обидную ссору. Но вскоре Анна снова решила испытать послушание Эдуарда.

— Вот теперь ты стал милый, — сказала девочка нежным голоском, — и ты не должен забывать, что пора заняться географией. Мама и тетя Елизавета сейчас заняты, но они будут очень недовольны, если ты не выучишь урок к послеобеденному часу.

С этими словами Анна вытащила из-под стола старую, наполовину разорванную книжку. При появлении ненавистного учебника Эдуард нахмурил брови.

— Ах нет, этого не было в твоих условиях! — сказал он в сердцах.

Анна продолжала настаивать. Она убедительным тоном доказывала Эдуарду, как чудесно будет заниматься в беседке, что здесь ему никто не мешает, что за несколько минут он приготовит свой урок, а после будет совершенно свободен для прогулок. Под конец мальчик

все-таки уступил ей и, надувшись, взял в руки книгу.

– Ты со мной посидишь, пока я выучу урок? – жалобно спросил он.

– Нет-нет, тогда ты опять будешь болтать, а не учиться... Ну, не ленись! Чем скорее выучишь урок, тем быстрее узнаешь, какой сюрприз я для тебя приготовила!

На самом деле Анна понятия не имела, о каком сюрпризе говорит – эти слова вырвались у нее случайно. Но Эдуард легко поддался на приманку сестры и открыл книгу с лихорадочным нетерпением.

Довольная Анна вышла из беседки вместе с негритянкой, которая, смеясь, шептала:

– О! Эта девочка будет настоящей хозяйкой!

* * *

Оставшись один, Эдуард по доброй воле снизошел до занятий и одолел почти половину своего урока, но вскоре география ему надоела. Мальчик отодвинул книгу и сел возле узкого окна, выходящего в сад со стороны, противоположной от дома. Ни о чем не заботясь, он наблюдал за красивыми насекомыми, что летали вокруг с монотонным жужжанием.

Туман еще не совсем рассеялся, и рыжеватые испарения, сквозь которые уже начинали проникать лучи солнца, словно обволакивали отдаленные предметы, слегка тушуя контуры. Эдуард замечтался, но вдруг движение

на одном из деревьев в саду привлекло его внимание.

Поначалу мальчик ничего не заметил в темной листве, но, приглядевшись получше, он разглядел странную фигуру в самой густой части кроны. Фигура эта была неподвижной, и можно было принять ее за большие ветви, в которых она пряталась. Однако туман уже почти рассеялся, поэтому Эдуард смог рассмотреть бородатую голову и блестящие глаза. Без всякого сомнения, это был орангутан.

Сперва Эдуард очень испугался и поспешно отскочил от окна, но любопытство взяло верх. Расстояние между ним и орангутаном было слишком большим, чтобы перескочить его в один прыжок, — а значит, бояться нечего. Да и окошко беседки слишком узкое, зверю в него не пролезть.

Орангутан был весь покрыт рыжей шерстью, и только лицо было голое, серого цвета, с широким ртом и плоским носом. Маленькие глаза этого зверя показались Эдуарду ласковыми. Возможно, это объяснялось тем, что орангутану нравилось смотреть на мальчика не меньше, чем самому Эдуарду нравилось глядеть на орангутана.

Растянувшись на ветке, зверь не шевелился. Тогда Эдуард схватил со стола несколько бананов, оставленных на всякий случай Марией, и поднес их к окну. Съев один банан сам, другой мальчик бросил обезьяне.

Банан, конечно, пролетел бы мимо цели, но вдруг в воздухе мелькнула длиннейшая рука

с огромной пятерней. Она молниеносно схватила фрукт прямо на лету и живо отправила его в рот, вооруженный страшными зубами.

Эдуард продолжал бросать орангутану бананы, и тот переловил их все с невероятной ловкостью. Эта игра пришлась мальчику по вкусу, и он совсем забыл про уроки. Бананы подходили к концу, и Эдуард уже раздумывал, где бы взять еще, когда услышал взволнованные голоса с другой стороны беседки. Орангутан, настрожившись, спрятался поглубже в листве, и Эдуард напрасно кинул ему свой последний банан — зверь не стал его ловить.

Между тем крики все усиливались, и мальчик вдруг отчетливо различил среди них суровый голос своего отца.

Подумав, что это подходящий момент для избавления от нудной географии, Эдуард отскочил от окна и, выбежав из беседки с другой ее стороны, внезапно остановился. Он почти сразу понял, что случилось нечто ужасное, заметив страх на лицах работников поместья. Они толпились вокруг одного из деревьев и взволнованно шумели: одни сыпали проклятиями, другие жалобно причитали, третьи плакали. Суровый и спокойный Ричард Пальме пытался говорить, казалось, со всеми сразу. Крики ненадолго затихали, но затем возобновлялись.

А потом Эдуард заметил доктора фон Штеттена. Он сидел на корточках и внимательно осматривал человека, который неподвижно ле-

жал на земле. Рядом с ним стояли сержант и четыре солдата.

Пока никто его не заметил, мальчик осторожно протиснулся в толпу взволнованных рабочих и взглянул на того, кто лежал на земле. Это оказался малаец Дымящая Трубка. У него была разбита голова. Эдуард вздрогнул и уже собирался убежать — все-таки он не был настолько смелым, как хотел показать недавно Анне, — как вдруг доктор фон Штеттен поднялся на ноги и сказал:

— Господа, я могу утверждать, что несчастный умер от сильнейшего удара палкой шесть-семь часов назад. Скорее всего, это случилось ночью, под утро.

Рабочие вновь взволнованно загалдели. Под суровым взглядом хозяина поместья каждый пытался вспомнить, что делал и где был сегодняшней ночью, но никто не мог сказать ничего определенного.

— Дымящую Трубку убил не человек, — раздался вдруг уверенный голос, и перед Ричардом, отодвинув в сторону нескольких рабочих, оказался Истребитель Слонов. — Рука человека никогда не смогла бы нанести такую рану. Череп разлетелся всего с одного удара... Я уверен, Дымящую Трубку убил орангутан.

— Орангутан! — прошептал Эдуард, невольно оглянувшись на дерево позади беседки.

Истребителю Слонов сразу поверили все присутствующие, ведь он был опытным охотником. Да и сержант Мюллер, осмотрев труп,

подтвердил, что ранение было нанесено с нечеловеческой силой.

Известие, что Дымящая Трубка был убит посреди хозяйского сада, заставило призадуматься как Ричарда Пальме, так и остальных работников. Если орангутан смог незаметно подобраться к Трубке посреди мирного сада, что уж говорить о других местах?

– Я больше не пойду в поле! – сказал один из негров, дрожа от страха.

– Оранг бьет, точно молния, – кивнул китаец.

– Меня он не пугает, – нахмурился Истребитель Слонов, – и я отомщу ему за смерть Дымящей Трубки. Он был моим другом.

– На этот раз я не возражаю, – сурово произнес Ричард. – Раньше я хотел пощадить эту обезьяну за спасение Эдуарда, но теперь... Ты волен убить его. Я и сам хотел бы поохотиться, но я уже обещал губернатору, что провожу его и господина Смита.

– Отлично, мой дорогой друг, – с воодушевлением подхватил доктор фон Штеттен, – это решение послужит науке. Я обещаю щедро заплатить тому, кто принесет мне шкуру орангутана.

Награда, обещанная доктором, разом возбудила в присутствующих алчность, и отряд для охоты сформировался в одно мгновение: два негра из усадьбы, пять или шесть малайцев, в числе которых был Боа, то есть Удав, известный охотник. Несколько солдат из гарнизона и сам сержант Мюллер тоже решили обойти

окрестности вместе с Истребителем Слонов. К ним присоединился и доктор фон Штеттен — из любопытства и научного интереса.

— Будьте внимательны, — наставлял их храбрый малаец, — осматривайте отдельно каждое дерево и при малейшем движении листьев стреляйте все вместе. Оранга не убьешь одной пулей.

Пальме пожелал охотникам удачи и быстро вернулся в дом — ему пора было провожать гостей.

* * *

Эдуард очень тревожился за орангутана. Если он по-прежнему сидит на том дереве в саду, его легко окружить, отрезав обезьяне путь к лесу.

Мальчик даже и не думал выдавать своего спасителя: образ окровавленного малайца, конечно, внушал ему сострадание и ужас, но Эдуард не слишком хорошо знал Дымящую Трубку, а ему самому орангутан спас жизнь, так что выбор мальчика был очевиден.

Эдуард вернулся в сад и подошел к дереву, на котором сидел орангутан час назад. Легкое шевеление листвы свидетельствовало о том, что обезьяна по-прежнему здесь. Вскоре он даже увидел ее голову. Орангутан смотрел на охотников своими блестящими глазами, явно сознавая опасность, и двигался с большой осторожностью. Но Эдуарду он, казалось, доверял.

К счастью, охотники, осматривая деревья, пошли в другую сторону, прочь от того места, где сидела обезьяна.

К счастью, охотники, осматривая деревья, пошли в другую сторону, прочь от того места, где сидела обезьяна. Они то и дело шумели и стреляли, чтобы спугнуть орангутана и заставить его покинуть свое убежище.

Вдруг Эдуард услышал голос матери – она звала его домой. Мальчик поднял голову и прошептал:

– Будь осторожнее, бедный орангутан!

Зверь как будто кивнул, словно благодаря мальчика за совет, и ободренный Эдуард побежал к дому.

Глава III

Похищение

Эдуард был изрядно расстроен тем фактом, что отец с матерью решили взять его с собой в поездку, очевидно, опасаясь, что мальчик что-нибудь натворит, пока их не будет дома. Поездка оказалась скучной, как и всё, что обычно делают взрослые – за исключением Истребителя Слонов, конечно. Эдуарду понравилось только переправляться через реку. Там он увидел корабль, на котором приплыл господин Смит.

А по возвращении все трое Пальме застали в своей гостиной доктора фон Штеттена, который жадно пил воду из большого стакана. Его одежда оказалась разорванной в нескольких местах, башмаки были в пыли, а парик сбился набок.

— О! А вот и вы, милые соседи! — трагикомически воскликнул доктор. — Можете меня поздравить: я наконец встретился с орангутаном и теперь буду помнить эту встречу до конца жизни! Это не человек и не зверь — это дьявол, который способен летать по воздуху без крыльев! Мы спугнули его с большого дерева в нашем саду и гнали до самого перцового поля, но в самый неожиданный момент он бросился на нас, как молния. Без всякого оружия, кроме ужасных рук и кулаков, он опрокинул всех на землю и мгновенно скрылся.

— Вот как! — воскликнул Ричард. — Я надеюсь, никто не ранен?

— Истребитель Слонов, падая, потерял несколько зубов и сломал свое ружье... Он не простит орангутану этого удара!

— Ну, ружье я ему подарю новое... Что же касается зубов, то вряд ли ему стоит о них печалиться, учитывая их и без того плачевное состояние.

— У одного негра, кажется, рука сломана... Но я его вылечу, — пробормотал фон Штеттен, делая очередной глоток воды.

— А сами вы, милейший доктор, — сказала Елизавета, — вы не пострадали?

— О, ерунда! Разве что из моей шляпы выскочило дно, и очки разбились. По правде говоря, мне кажется, что я не был убит лишь благодаря моему славному зонтику. Он помещал орангутану огреть меня по башке... Вот, полюбуйтесь, что эта обезьяна с ним сделала.

Доктор взял в руки свой зонтик и попытался открыть его, но попытки были тщетны: ручка, материя и спицы — все превратилось в бесформенный комок. При этом фон Штеттен так забавно хмурился, что Ричард и Елизавета не смогли удержаться от улыбки.

— Господин доктор, а орангутан не ранен? — с беспокойством спросил Эдуард.

— Нет, мой дружок! Пули скользят по его коже, как по маслу. Да и движения его так быстры и неожиданны, что даже лучшие стрелки не успевают прицелиться.

В этот момент в саду вновь слышались крики, а затем в гостиную вбежал негр Дарий.

— Что случилось? — быстро спросил его Ричард, раздумывая, как бы поделикатнее спроводить наверх жену и сына, чтобы избавить их от неприятных переживаний.

— Ах, господин! — ответил негр. — Он взят на этот раз!

— Кто взят?

— Он... Человек, который не говорит.

— Неужто? — закричал фон Штеттен. — Вы взяли орангутана живым? Невероятно!

Но это было не совсем так.

Дарий рассказал, что орангутан, ускользнув от охотников в первый раз, направился к лесу.

Но в том месте, куда он двигался, между плантациями и большим лесом не было деревьев, так что орангутан вынужден был спуститься на землю и некоторое расстояние пройти пешком. Тут преследователи его и настигли. Торопясь уйти от охотников, он повернул не в ту сторону, что и сыграло решающую роль.

Равнина Нового Дронтгейма простиралась до подножия высоких вулканических гор, и в том месте, куда бросился орангутан, дорогу ему преградили базальтовые глыбы. В середине скалы образовалась впадина с обильным источником, из которого вытекал ручей. Местные называли его Источником Лавы. Он открывал в базальте узкий проход; именно туда и кинулся орангутан. Он, вероятно, надеялся вскарабкаться там до вершины скал, где росли деревья, но это ему не удалось.

Ущелье замыкали гладкие, как мрамор, неприступные стены. Орангутан, оказавшись в западне, хотел тут же выскочить обратно, но было уже поздно. Вся толпа охотников, как злобная стая собак, бросилась ко входу в ущелье, и путь к отступлению обезьяне был отрезан.

Орангутан, глухо ворча, принялся колотить палкой по скалам. А охотники быстро завалили вход в ущелье огромными камнями, оставив только маленькие отверстия для ручья.

Вот так за несколько минут орангутан был заперт, и из этой ловушки его не могла освободить ни удивительная ловкость, ни исключительная сила.

Все это и рассказал Дарий Ричарду Пальме. Еще он попросил выдать новое ружье Истребителю Слонов — без ружья тот чувствовал себя как без рук. Бесстрашный малаец предлагал днем и ночью сторожить Источник Лавы, пока обезьяна не ослабеет от голода — тогда охотники смогут ее взять.

— Ох! — воскликнул доктор фон Штеттен, услышав все эти новости. — Неужели мы сможем схватить живого орангутана?! Да в Европе с ума сойдут, если я пошлю им живую обезьяну! Они же их там никогда не видели...

— На вашем месте я бы на это не надеялся, доктор, — покачал головой Ричард. — Вы же прекрасно знаете, насколько сильны оранги.

— Но теперь он пленник! И потеряет много сил, если не будет есть и спать...

— Как же так? — со слезами на глазах воскликнул Эдуард. — Вы хотите уморить голодом бедного орангутана, который спас меня от тигра?!

Мальчику никто не ответил.

— Дарий, — с беспокойством спросила Елизавета, — орангутан действительно не сможет выбраться из ущелья?

— Да, хозяйка! Ему не убежать, да и охотники стерегут выход. Я взобрался на скалу, чтобы посмотреть на него сверху. Какая у него была смешная морда! Оранг скрипел зубами, он явно хотел разорвать меня... А я хохотал!

Дарий засмеялся и с детской радостью захлопал в ладоши.

– Но разве он не сможет выпрыгнуть наверх? Ведь эти обезьяны очень сильные и ловкие.

– Нет-нет, хозяйка! – возразил негр. – Там слишком глубоко. Чтобы оранг выбрался оттуда, нужно привязать веревку к дереву на вершине скалы и бросить ее ему... Но кто бросит эту веревку? Точно не я!

«Вережку! – подумал Эдуард. – Бросить веревку... Как просто!»

Взрослые говорили что-то еще, но мальчик уже не слушал.

Он глубоко задумался о том, как спасти орангутана...

* * *

После обеда Анна и Эдуард пошли в беседку вместе с Марией. Негритянка взяла с собой корзинку с рукодельем – она шила платье ярко-желтого цвета. Анна с удовольствием помогала ей, а Эдуард мастерил себе новый лук.

Мальчик часто отрывался от своей работы и подбегал к окну, что выходило в сад. Ему все казалось, будто он слышит, как там, возле Источника Лавы, убивают его орангутана...

– Эдуард, ты выучил географию? – спросила Анна, когда мальчик в очередной раз подбежал к окну.

– Конечно.

– Тогда, пока я шью, отвечай урок.

– Но мы не взяли книгу...

– Ничего, я знаю ее наизусть.

Эдуард в задумчивости почесал голову.

– Понимаешь... я выучил... но, кажется, уже успел забыть...

Анна только вздохнула, не отрываясь от своего питья. Она была нисколько не удивлена.

После минутного молчания Эдуард спросил кузину:

– Ты знаешь, что бедного орангутана хотят уморить голодом? Это так ужасно!

– Ты прав. К тому же этот орангутан спас тебя и Марию. Мне его ужасно жалко!

– Тебе жалко его? – повторил мальчик взволнованно. – Значит, ты не рассердишься, если он убежит из Источника Лавы?

– Я буду очень рада.

Анна говорила так исключительно из чувства сострадания. Она и не подозревала, скольких слез будут стоить ее неосторожные слова...

Услышав это, Эдуард поначалу опустил на стул, но затем вновь вскочил и направился к выходу из беседки.

– Куда ты? – спросила Анна.

– Я... я хочу нарвать тебе цветов.

– Спасибо. У нас в саду очень красивые цветы!

– Есть и покрасивее... Например, у Источника Лавы...

– Не выдумывай, – рассердилась девочка. – Те цветы мне не нужны.

– Ладно, тогда я пойду в сад, – быстро согласился Эдуард и выбежал из беседки.

– Не отходите далеко, пожалуйста, господин Эдуард! – крикнула ему вслед Мария. – Иначе ваш отец рассердится!

– Не буду! – ответил мальчик.

После ухода Эдуарда Анна несколько раз вставала со своего места и подходила к окну, следя за тем, как брат топчется на цветочных грядках. Но через полчаса девочка увлеклась шитьем и думать забыла про Эдуарда.

Прошел час, и Мария, отложив платье, сказала:

— Пора, я думаю, возвращаться в усадьбу на дневной чай. Давайте-ка позовем господина Эдуарда!

Служанка подошла к окну. На подоконнике она обнаружила красивейший букет, перевязанный травинкой на манер ленточки.

Несколько секунд Мария вглядывалась в сад, который казался совершенно пустым. Потом закричала:

— Господин Эдуард! Идите скорее сюда! Пора пить чай!

Но мальчик, который обычно после этих слов бросал все и мчался на зов — он очень любил сладкое, — не откликнулся.

— Нужно идти за господином Пальме, — сказала негритянка Анне, тяжело вздохнув. — Я думаю, ваш брат опять задумал какую-то шалость. И, боюсь, не связана ли она с Источником Лавы...

* * *

Мария, конечно, была права. Эдуард, ловко ускользнув от внимания кузины и служанки, пошел к хижинам рабочих. По пути мальчик размышлял о том, что услышал от Дария: чтобы

освободить орангутана, достаточно привязать веревку и спустить ее в ущелье. Где взять эту веревку, как не у рабочих усадьбы?

Эдуард считал, что обязан орангутану жизнью. Отец говорил мальчику, что долги чести нужно платить, и он собирался сделать именно это, освободив обезьяну из каменного плена.

Эдуарду несказанно повезло: оказавшись среди хижин, он сразу заметил моток тонкой, но крепкой веревки, которая валялась на земле среди прочих инструментов. Очевидно, ее оставил кто-то из рабочих — из одной хижины мальчик слышал приглушенную ругань.

Эдуард осторожно подкрался, схватил веревку и отскочил в сторону, спрятавшись за другую хижину. Он торопливо спрятал свою находку за пазухой и задумался над другой проблемой: как попасть к Источнику Лавы? Любой встреченный по дороге слуга или работник наверняка отведет его обратно в имение, как только поймет, что Эдуарда никто не сопровождает.

Мальчик огляделся и решительно двинулся к хижине Истребителя Слонов. Он знал, что в эти часы там должна находиться его дочь Легкая, а она была единственной, кто стал бы его слушать.

Эдуард не ошибся: Легкая была дома. Напевая, она готовила своему отцу ужин. Тут мальчику повезло во второй раз: как только он подошел к жилищу Истребителя Слонов, его дочь вышла оттуда с корзинкой в руке.

— Здравствуй, Легкая! — воскликнул Эдуард. — Куда ты идешь?

— К Источнику Лавы, — ответила девушка, отводя глаза. Она хорошо относилась к сыну господина Пальме, но не доверяла ему.

— А зачем?

— Несу отцу ужин и хорошую новость. Господин доктор вылечил его петуха.

Дочь Истребителя Слонов хотела идти дальше, но Эдуард схватил ее за юбку.

— Возьми меня с собой к Источнику! Ну пожалуйста! Я так хочу увидеть орангутана!

Легкая внимательно посмотрела на мальчика. Она хорошо знала его неугомонный характер и понимала, что Эдуард наверняка задумал какую-то шалость. Но уж лучше он пойдет к Источнику с ней, чем без нее. Да и у самого Источника полно охотников. Если эти люди сумели загнать орангутана в ловушку, неужто они не сумеют уследить за маленьким мальчиком?

— Хорошо, — неохотно согласилась дочь Истребителя Слонов. — Пойдем.

И она так быстро пошла вперед, что Эдуард еле поспевал за ней.

Он был очень рад: все так удачно складывалось! Мальчик шел за девушкой, беззаботно болтая и задавая ей всевозможные вопросы: что за ужин несет она отцу, как относится к пленению орангутана, не боится ли тигров...

Через четверть часа они пришли к Источнику Лавы. Истребитель Слонов, Дарий и другие охотники караулили скалы, откуда вытекал

ручей. Конечно, орангутан не мог перелезть через стены ущелья. Охотники стерегли проход, через который он вошел туда. Проход этот был завален камнями, но вдруг обезьяне придет в голову расшвырять камни, чтобы вырваться на свободу?

Многие охотники считали, что это невозможно, и поэтому очень небрежно несли караул – лежали на траве и играли в разные игры.

Заметив Эдуарда, мужчины удивились, но решили не связываться с сыном хозяина. Только Дарий попытался уговорить мальчика пойти с ним обратно в усадьбу, но Эдуард заупрямился, и негр махнул на него рукой.

– Зачем ты пришел сюда? – спросил Истребитель Слонов. Он взял из рук дочери свой ужин и поманил мальчика за собой.

– Я хотел посмотреть на лесного человека.

Малаец кивнул и указал на одну из скал, на вершине которой росло несколько деревьев и была навалена куча хвороста.

– Оттуда можно посмотреть. Сможешь забраться? Не боишься?

– Нет! – ответил Эдуард решительно, и Истребитель Слонов усмехнулся. Ему нравилась смелость хозяйского сына.

Малаец сел на камень и начал есть свой ужин. Некоторое время мальчик смотрел на него, а потом спросил:

– А лесной человек... он ничего не ел сегодня?

– С тех пор как оказался в ловушке – нет.

– А может, ты дашь ему что-нибудь?

– Нет. От голода оранг ослабевает, и мы сможем взять его живым.

– Ну а если и голод его не дойдет, – Эдуард шмыгнул носом, – что ты тогда сделаешь?

– Тогда я влезу на скалу и расстреляю его отравленными стрелами.

Мальчик чуть не расплакался, но сдержался и продолжил:

– Может, не надо мучить бедного орангутана? Он же спас меня от тигра!

Истребитель слонов покачал головой, не глядя на Эдуарда.

– Ты еще мал и не понимаешь, как он опасен. Оранги должны жить в лесу, а если они начинают шататься по хозяйским садам и убивать честных работников, то дальше будет только хуже.

Эдуард действительно не понимал. Ему было очень жалко орангутана. Он отошел от Истребителя Слонов весь в слезах, но слезы быстро высохли, и мальчик направился к скале.

Никто не обратил на это внимания: Дарий разговаривал с Легкой, Истребитель Слонов ел, а остальные охотники играли, лежа на траве. Эдуард легко взобрался на скалу: к одному из деревьев, растущих на вершине, была прикреплена веревочная лестница.

Со скалы мальчик различил в глубоком ущелье небольшое озеро – тот самый источник, из которого прозрачная вода текла в проход, заваленный камнями. Возле озера сидел орангутан. Он явно пытался освободиться из ловушки – руки у него были все в крови.

Но в ту минуту, когда Эдуард увидел его, орангутан сидел неподвижно, как человек, который сознает безнадежность ситуации.

И мальчик окончательно решился. Он вытащил из-за пазухи спрятанную веревку и начал разматывать ее. Она казалась слишком тонкой, чтобы выдержать вес такой большой обезьяны, но другой у Эдуарда не было.

Мальчик привязал один конец веревки к стволу пальмы, растущей на вершине скалы, а другой конец спустил в ров. И подошел поближе, чтобы посмотреть, к чему привела его затея.

Дальнейшее произошло так быстро, что Эдуард даже не успел испугаться.

Увидев веревку, орангутан выпрямился, схватил ее и в один миг оказался на вершине скалы, рядом с мальчиком. Он издал хриплый ликующий крик, от которого переполошились охотники внизу.

В это мгновение Эдуард вдруг осознал, насколько опасный зверь оказался перед ним. Он хотел бежать, но от страха его ноги подкосились, и он без чувств упал на землю.

Между тем охотники, хватая свои луки и ружья, спешили взобраться на скалу. Но, как они ни торопились, орангутан все же был проворнее. Поняв, что скоро сюда придут его враги, он схватил Эдуарда одной рукой, а другой уцепился за ствол дерева и с быстротой молнии достиг его вершины, невзирая на тяжесть ноши.

Охотники остолбенели от ужаса. Истребитель Слонов приказал не стрелять, чтобы не задеть единственного сына Ричарда Пальме, а Эдуард, придя в себя от мгновенного подъема на дерево, начал истошно кричать. Охотники стали стрелять по соседним деревьям, стремясь испугать орангутана и заставить его выронить добычу, но зверь и не думал выпускать мальчика из рук. Обняв его покрепче, он ловко перепрыгнул на другое дерево, оттуда – на следующее, и так далее, пока не очутился возле леса.

Теперь охотники никак не могли его достать. Даже отчаянные крики Эдуарда уже не доносились до них.

Последний раз орангутана и его несчастного пленника заметили возле вершины старого бавольника, где был убит тигр, но потом они совсем пропали из виду.

Все произошло буквально за считанные минуты. Некоторое время охотники молчали, обескураженные случившимся. А потом Истребитель Слонов что-то злобно прошипел на своем наречии, гневно сверкая глазами. И мало кто понял, что малаец поклялся вернуть Эдуарда родителям, а заодно и отомстить этой хитрой обезьяне.

* * *

Истребитель Слонов послал троих охотников за Ричардом Пальме, чтобы сообщить ему о происшествии. Малаец собирался идти в лес,

за Эдуардом, но был вынужден изменить свое решение: надвигалась буря.

Ветер усиливался, глаза слепил песок, в воздухе кружились сухие листья и солома. Пока еще можно было передвигаться, но через пару часов начнется ураган, и меры по спасению мальчика станут не просто бесполезными, но и опасными.

Ричард, к удивлению Истребителя Слонов, прибежал к Источнику Лавы вместе с Елизаветой, госпожой Сиррей и маленькой Анной. Похоже, колонист был слишком взволнован, чтобы пытаться уговорить женщин остаться в имении.

Когда Эдуард не явился к дневному чаю, Мария подняла тревогу, и мальчика начали искать. Все были уверены в том, что он просто где-то спрятался и не отвечает на зов – такое случалось и раньше. А потом прибежали охотники и, запинаясь, рассказали, что Эдуарда унес орангутан...

Уже смеркалось, когда Ричард в сопровождении жены, сестры, племянницы и охотников достиг Источника.

– Где мой сын?! – закричал он еще издали. – Где мой мальчик?!

– Господин Эдуард бросил орангутану веревку. Обезьяна вырвалась из плена и унесла мальчика, – повторил Истребитель Слонов сказанное охотниками.

– Надо идти в лес! – воскликнул Ричард, взволнованно заламывая руки. – Надо искать сына... Ты опытный, неустрашимый охотник,

Истребитель Слонов! Ты знаешь лес, помоги мне найти Эдуарда!

– Завтра.

– Почему завтра? Почему не сейчас? Быть может, завтра это чудовище задушит моего сына!

– Оранг не убьет Эдуарда, – сказал малаец уверенно. – Люди, которые не говорят, любят детей и очень их жалеют. Хозяин, сейчас в лес ходить не следует.

– Ты думаешь, я побоюсь тигров или других зверей? – воскликнул колонист. – Я должен найти своего сына!

– Истребитель Слонов тоже ничего не боится. Но скоро начнется буря, и ночь надвигается. Будет ничего не слышно и не видно!

– Если будет буря, будут и молнии. Они озаряют лес, как солнце! И мы увидим Эдуарда!

– Хозяин, хозяин, – покачал головой малаец, – не надо беспокоить сегодня орангутана. Он наверняка спрятался совсем близко отсюда, чтобы переждать бурю. Но если ты его потревожишь, он убежит с мальчиком дальше, и мы их больше не увидим!

Это были разумные доводы, но слепое отчаяние и плачущие позади Ричарда жена и племянница мешали ему принять верное решение.

– Нет, я не оставлю моего сына! Я пойду в лес и буду искать Эдуарда, пока не найду, даже если мне придется искать всю ночь!

– Дорогой мой брат! – заговорила вдруг госпожа Сиррей. – Будь благоразумен, не теряй рассудок от постигшего тебя несчастья. Невозможно

ничего предпринять сегодня для спасения несчастного Эдуарда. Ричард, прошу тебя, подожди до завтра, если хочешь, чтобы твои поиски увенчались успехом. Идти ночью в лес, заваленный сломанными деревьями, полный топких трясин и диких зверей, — Ричард, это безумие! Кроме того, буря только начинается и ясно, что вскоре она превратится в настоящий ураган. Твоя самоотверженность должна быть рассудительна, только тогда мы можем ожидать положительного результата. Подожди до завтра, Ричард!

— Но завтра будет слишком поздно! — воскликнула Елизавета.

— Ты же слышала, что сказал Истребитель Слонов: орангутан не сделает Эдуарду ничего плохого, и завтра будет больше шансов его найти, если не тревожить сегодня.

— Хорошо! — сказал Ричард. — Тогда отведи домой Елизавету и Анну, прошу тебя. А я пойду в лес искать моего сына!

— Нет, я с тобой, — всхлипнула Елизавета, держась за дерево, чтобы не упасть.

— И я! — закричала Анна.

— Никто не войдет в лес сегодня! — послышался суровый голос из толпы. — Я этого не допущу!

— Майор Грудман? — удивленно произнес Пальме. — Что вы здесь делаете? Я же проводил вас несколько часов назад!

— Я забыл у вас свою трубку, — ответил губернатор, появляясь перед колонистом в компании со взволнованным доктором фон Штет-

тенем. — Я вернулся, чтобы забрать ее, а когда услышал о случившемся, сразу поспешил сюда. И я повторяю: я никому не позволю войти сегодня в лес!

Ричард, забыв о своей горе, побагровел от гнева.

— На каком основании, майор Грудман, вы распоряжаетесь мной и моими людьми?

— На основании здравого смысла и человеколюбия, господин Пальме. Я должен помешать этой бесполезной, безумной самоотверженности. И на основании права губернатора, если хотите. Углубляйтесь в эти чащобы завтра, когда буря стихнет, но сейчас опасность слишком очевидна, чтобы я разрешил вам напрасно рисковать вашей жизнью. Я надеюсь, вы прислушаетесь к голосу разума. Вы не только не спасете Эдуарда, но и себя погубите, Пальме!

— Дорогой друг, — вмешался доктор фон Штеттен, — вспомните о ваших близких, о тех, кто рядом... Посмотрите на свою жену, в конце концов!

В этот миг Елизавета, всхлипнув, упала на руки госпожи Сиррей. Не успевшая выздороветь после долгой тяжелой болезни, ощущая бесконечную тревогу за жизнь маленького сына, Елизавета потеряла сознание.

Этот же миг выбрал и ветер, чтобы показать свой истинный характер: налетев на людей, он завыл с ужасающей силой, чуть не бросив всех на колени.

— Сама природа не хочет, чтобы я пошел искать тебя сегодня, мой бедный мальчик, —

прошептал Ричард. Он подбежал к Елизавете и взял ее на руки. — Пойдемте скорее в имение, — сказал он взволнованно. — Сейчас действительно начнется ураган... Доктор, прошу: не оставляйте нас теперь... Ваша помощь может понадобиться в любую минуту!

— Конечно, Пальме, — вздохнув, ответил фон Штеттен. — Ваша бедная супруга вовсе не нуждалась в таком потрясении... Но что делать! Идите, я следую за вами.

— В добрый час, — сказал майор Грудман. — Я рад, что вы опомнились, Ричард. Однако окажите мне честь и позвольте сегодня быть вашим гостем. Ваш дом ближе других отсюда, а с этой бурей лучше не шутить...

Пальме кивнул, и все отправились в обратную дорогу.

Глава IV

Преследование

В эту ночь никто не спал спокойно в доме Ричарда Пальме.

Доктор фон Штеттен сидел возле Елизаветы. Волнение спровоцировало у нее приступ тропической лихорадки, от которой она только недавно оправилась, и несчастная женщина металась в бреду, повторяя имя сына.

Ричард не ложился вовсе, как и госпожа Сиррей. Да и майор Грудман не смыкал глаз — из-за бури у него разболелись старые раны, но просить о помощи доктора губернатор

не стал, справедливо полагая, что тому и так не сладко.

Только Анна смогла уснуть, но во сне она видела страшный лес и испуганное лицо Эдуарда...

Буря свирепствовала всю ночь. Только к рассвету ветер, гром и дождь прекратились, и майор Грудман покинул имение. Но перед этим он помог Ричарду сформировать экспедицию для похода в лес.

Отряд состоял из Истребителя Слонов, майорца Боа и негра Дария. Все они были сильны, смелы и выносливы. Губернатор лично проинструктировал их перед отъездом, наказав хорошенько вооружиться и запастись провизией – на случай, если они все-таки потеряются в чаще леса. И лишь убедившись, что участники экспедиции понимают возложенную на них ответственность, майор Грудман удалился, пожелав Пальме скорейшего возвращения сына.

Итак, Ричард и трое охотников отправились в лес.

Было раннее утро, но слабые солнечные лучи уже белели на небе с востока. Участники экспедиции спешили, стремясь попасть в лес до восхода солнца – позже орангутан наверняка направится вглубь леса.

Охотники осторожно двигались по изуродованной бурей земле. На каждом шагу попадались камни и острые сучья, повсюду текли потоки воды, кое-где приходилось обходить огромные лужи грязи. Всего за одну ночь Суматра из рая превратилась в самый настоящий ад.

По совету губернатора Боа привел еще одного участника экспедиции – огромную собаку со свирепым, но разумным взглядом, которую малаец вел впереди всех на толстом кожаном поводке. У этой собаки было превосходное чутье, и она постоянно обнюхивала землю.

Охотники вошли в лес до рассвета, как и хотели. За прошедшую ночь здесь все изменилось еще больше, чем в деревне и на плантациях. Многие деревья не удержались и упали на землю, гигантский папоротник был изломан, точно по нему прошло стадо слонов, ручьи были завалены ветками и песком. Досталось даже царю леса, гигантскому бавольнику: молния попала в его верхушку, расколола пополам крепкий ствол и далеко разбросала великолепные кисти пурпурных цветов.

Охотники вспомнили, что именно возле этого дерева орангутана видели в последний раз, и остановились у его подножия, чтобы посоветаться.

Боа достал из-за пазухи маленький сверток, и Ричард с удивлением узнал одежду своего сына.

– Что ты будешь с этим делать? – спросил он взволнованно.

– Сейчас увидите, – ответил Боа и поднес рубашку Эдуарда к носу собаки.

– Ну конечно, – прошептал Пальме, – какая превосходная мысль! О, если это умное животное почует, где находится мой бедный мальчик!..

– Искать! – скомандовал Боа.

Охотники вновь углубились в лес.
Собака шла впереди, то и дело нюхая землю.

Несколько секунд собака молча и сосредоточенно нюхала одежду Эдуарда, а затем повернулась в другую сторону всем корпусом и, натянув поводок до предела, зарычала.

— Чует! — сказал Боа.

Ричард чуть не закричал от радости, но Истребитель Слонов остановил его, прошипев:

— Молчите! У лесного человека хороший слух, он может услышать и убежать с Эдуардом туда, где вы больше никогда его не увидите.

Пальме кивнул, признавая справедливость предостережения малайца.

Охотники вновь углубились в лес. Собака шла впереди, то и дело нюхая землю, а затем оглядывалась на людей, словно хотела, чтобы они шли быстрее.

Вскоре охотники очутились на лужайке, где рос папоротник высотой в человеческий рост. Вокруг этой лужайки огромные лианы висели на пальмах, образуя бесчисленные зеленые арки. Несколько ярких птиц летали вокруг лиан, еще влажных после дождя, и аромат цветов наполнял воздух, как бывает в садах после бури.

В этом месте собака занервничала. Она начала вилять хвостом и непременно бы залаяла, но Боа сдерживал ее, поминутно дергая поводок. Следя за ищейкой, малаец сделал знак остальным быть настороже и взял ружье наизготовку.

Все говорило о том, что мальчик и его похититель должны быть недалеко. Наши охотники, двигаясь через высокую траву, были очень

внимательны к малейшему движению или шуму. Листок, сорванный ветром, дятел, стучащий клювом по дереву, маленькая обезьяна, резвящаяся в лианах, — все это заставляло их живо поворачивать головы, и они не двигались с места, пока не устанавливали точно причину тревоги.

Неожиданно Боа остановился и стал напряженно вглядываться в землю перед собой. Что-то заметив, он жестом подозвал остальных.

У подножия огромного утеса Боа обнаружил глубокую впадину, которая могла бы служить защитой от вчерашней бури. Это «гнездо» совсем недавно было занято: большое количество сухого мха служило кому-то постелью, а несколько широких листьев, судя по всему, использовали как одеяло. Повсюду валялись остатки кокосов и других диких плодов.

Пока люди рассматривали скорлупу от кокосов и мох, собака вытащила из-под листьев маленький кусочек ткани, и Ричард узнал часть одежды своего сына.

— Похоже, они только что ушли, — сказал Истребитель Слонов, но Пальме перебил его.

— Как думаете, Эдуард не ранен? — спросил он, с волнением рассматривая найденную собакой тряпицу.

Охотники обследовали мох, но не заметили на нем ни малейшего пятнышка крови. Да и несколько плодов оказались разгрызены более маленьким ртом, чем у лесного человека. Исходя из этого, можно было сделать вывод, что

Эдуард не только не ранен, но даже не потерял аппетит.

— Но тогда где же он? — нетерпеливо спросил Ричард.

— Недалеко, — ответил Боа. — Скоро придем... Только не шуметь!

Собака вновь взяла след и повела их дальше вглубь леса.

По пути охотники несколько раз замечали на земле отпечатки больших лап орангутана, а иногда и маленьких ножек Эдуарда. По-видимому, обезьяна позволяла мальчику идти самому, а не только таскала его на руках. И для них это было весьма кстати, ведь иначе собаке было бы сложнее удерживать след.

Наконец охотники оказались на тропинке, вдоль которой росли деревья чудовищной высоты. Сквозь их кроны едва проникал слабый косой свет.

Можно было подумать, что это огромные столбы готического собора. Эхо под такой «крышей» было удивительное.

Через плотную ткань ветвей и листьев невозможно было увидеть даже маленький клочок неба. Здесь не было цветущих ароматных растений, которые нуждаются в воздухе и свете. Почва была покрыта исключительно желтоватым мхом, на котором росли грибы и разные растения, любящие темноту и сырость.

Но именно в этом месте охотники наконец различили нечто вроде двух теней, что двигались всего шагах в ста впереди них.

Да, это были Эдуард и орангутан. Лесной человек, заметный по своему высокому росту и длинным рукам, медленно продвигался вперед, опираясь на палку, служившую ему и опорой, и защитой. Рядом с ним, без шляпы, в разорванной одежде, шел Эдуард. Он пронзительно всхлипывал, как любой ребенок, который хочет, но уже не может плакать. Эти всхлипы подхватывало эхо, и слышался долгий печальный шепот, от которого разрывалось сердце.

Но лесной человек не обижал своего маленького спутника – наоборот, он проявлял по отношению к нему истинную заботу. Руки мальчика были полны плодов и ягод; часто орангутан опускал Эдуарду на спину свою огромную лапу, явно стараясь приласкать мальчика. Становилось все яснее, что обезьяна не отдаст без боя свою дорогую добычу.

Охотники поняли, что необходимо выработать план: ведь орангутан намного сильнее и быстрее их всех, вместе взятых. Ему ничего не стоит подхватить Эдуарда и вновь унести его наверх, в кроны деревьев.

План составили довольно быстро. Решили, что Ричард и Дарий должны продолжать преследование, ползком перебираясь от дерева к дереву и стараясь не быть замеченными орангутаном. В это же время Боа с Истребителем Слонов постараются опередить обезьяну и Эдуарда, подойдя к небольшой роще кокосовых деревьев раньше них, – таким образом орангутан будет окружен и, может быть, появится возможность освободить мальчика.

План этот представлялся всем его исполнителям весьма сомнительным, но другого у них не было, поэтому охотники перешли к его осуществлению.

Малайцы, отойдя немного назад, скрылись в густом кустарнике. Ричард и Дарий тоже не теряли времени: согнувшись в три погибели, они двигались вперед, стараясь производить как можно меньше шума. Мох, в изобилии растущий под ногами, способствовал этому, приглушая звук их шагов.

Они должны были стрелять, как только подойдут на ружейный выстрел к орангутану, не дожидаясь своих спутников. Это не так просто, как кажется: надо правильно оценить расстояние, ведь попытка будет только одна. А в случае неудачи можно задеть Эдуарда или слегка ранить орангутана – в таком случае он сделается еще свирепее.

Но, несмотря на все усилия, Ричард с Дарием так и не смогли догнать обезьяну и мальчика. Каждое мгновение им приходилось замирать, не шевелясь, чтобы избежать взглядов лесного человека, который начал беспокоиться, чуя опасность. Это очень их задерживало.

Между тем орангутан с Эдуардом наконец вышли к роще кокосовых деревьев. И хотя они все еще были далеко от Ричарда и Дария, те видели их совершенно ясно – солнечный свет заливал рощу, освещая мальчика и обезьяну.

Поначалу, когда Эдуард и орангутан остановились, Ричард испугался, решив, что зверь почувствовал погоню. Но вскоре колонист понял,

что ошибся. Под одним из кокосовых деревьев была небольшая лужа из дождевой воды, и орангутан лег на землю, чтобы попить из нее. Эдуард несколько секунд стоял рядом в растерянности, но потом присел и начал черпать воду ладонью, поднося ее к своим губам.

Ричард и Дарий воспользовались моментом и побежали вперед что есть мочи, стремясь сократить расстояние как можно больше. Но при этом они забыли об осторожности, производя слишком много шума, — и орангутан что-то заподозрил. Он поднялся на ноги, беспокойно оглядываясь по сторонам. Ричард с Дарием упали на землю и застыли.

Они замерли, стараясь даже не дышать. Наверное, это и спасло неосторожных охотников — спустя минуту орангутан перестал наконец озираться и, положив на землю свою палку, полез на одну из пальм. Очевидно, он решил нарвать себе и мальчику кокосов.

Это было удивительное везение! Эдуард остался один!

Ричард немедленно вскочил с земли и побежал вперед. Ему не доставало дыхания, в висках стучало, сердце прыгало в груди.

Между тем Эдуард, в лохмотьях, оставшихся от его одежды, с бледным, усталым лицом и красными, опухшими от рыданий глазами, с ссадинами на руках, следил за движениями своего похитителя на ближайшем дереве и рассеяннo смотрел на кокосы, которые с шумом падали в лужу.

Ричард подбежал к мальчику, протянул к нему руки и крикнул прерывающимся голосом:

– Эдуард! Мальчик мой!..

– Господин Эдуард! – крикнул Дарий в свою очередь.

Мальчик быстро обернулся. Узнав отца и слугу, он радостно улыбнулся и побежал навстречу отцу, захлебываясь криком:

– Папочка, папочка, ты здесь! Я знал, что ты меня спасешь!

Но эти неосторожные возгласы и необдуманные движения погубили все.

В тот миг, когда отец и сын уже почти соединились в крепких объятиях, между ними бросился орангутан, громко и гневно рыча. В одну секунду Ричард был отброшен на десять шагов назад, а Эдуард схвачен одной рукой. Другой рукой орангутан уцепился за ствол дерева, еще раз зарычал, будто предупреждая своих преследователей, а потом буквально взлетел на вершину пальмы... и скрылся в листьях, вновь унося с собой Эдуарда.

– Отец! Отец! Папочка!.. – слышался его голос еще несколько мгновений, но потом и он окончательно пропал.

– Господин! – закричал негр, бросаясь к Пальме.

Ричард не видел последних событий: в момент падения он ударился головой о торчащую из земли корягу и потерял сознание.

– Что случилось? – спросил Истребитель Слонов, вылезая из кустов шиповника. За ним шел мрачный Боа со своей собакой.

Орангутан еще раз зарычал, а потом буквально взлетел на вершину... и скрылся в листьях, унося с собой Эдуарда.

Малайцы опоздали буквально на минуту — но эта минута оказалась решающей... Если бы Ричард чуть-чуть подождал, они бы успели добраться поближе и убить орангутана.

Но попробуйте объяснить это отчаявшемуся отцу!

— Нам следует идти обратно, — сказал Истребитель Слонов, осмотрев Пальме. — Хозяин, по-видимому, сильно ударился головой. Ему нужен доктор. Он спугнул орангутана, теперь мы не найдем ни его, ни мальчика.

— Да, надо идти назад, — согласился Боа, и Дарию ничего не оставалось, как подчиниться.

Он очень жалел своего хозяина и представлял, в какое отчаяние тот впадет, когда очнется и поймет, что полностью погубил операцию по спасению Эдуарда...

* * *

Они вернулись в имение к обеду. Истребитель Слонов нес Ричарда на руках, и, увидев своего брата в таком состоянии, госпожа Сиррей сразу все поняла.

— Какое несчастье! — прошептала она, приказав отнести Ричарда в его комнату, уложить в постель и позвать к нему доктора фон Штеттена. — Эдуарда, моего бедного племянника, похитил орангутан. Брат чуть не погиб, пытаясь его спасти... А Елизавета и вовсе при смерти...

Но, к сожалению, это было далеко не все горе, постигшее семью Пальме в эти дни.

На следующее утро Новый Дронтгейм облетела весть о смерти несчастной Елизаветы. Напрасно доктор фон Штеттен уговаривал ее, что все будет хорошо и Эдуарда непременно спасут, — приступ тропической лихорадки все усиливался, и на рассвете Елизавета умерла.

Вот так Ричард Пальме потерял не только сына, но и жену.

Глава V

Дитя лесов

Три года прошло после описанных событий.

Новый Дронтейм за это время преобразился. На равнине появились заводы и мельницы, а лес отодвинулся на много миль — на том месте, где Эдуард с его служанкой встретили тигра, теперь расстилались рисовые, перцовые и картофельные поля.

Майор Грудман вышел в отставку. Новый губернатор всячески заботился о процветании колонии. К семейству Пальме он относился так же хорошо, как и его предшественник. Дом

и сад Пальме сохранили свой чистый и аккуратный вид, а дела в имении шли как нельзя лучше.

Но вел их не Ричард Пальме. Очнувшись после болезни, глава семейства сделался мрачным и молчаливым. Его больше не интересовало имение. Теперь он часто пропадал, долгими часами блуждая по лесу. Хозяйством и семьей занимались госпожа Сиррей и Анна, племянница удрученного горем Ричарда.

Когда к Пальме, благодаря знаниям и заботе доктора фон Штеттена, вернулось здоровье, его разумом завладела одна мысль, которая постепенно стала навязчивой идеей: зная о нравах и привычках орангутанов, Ричард сделал вывод, что Эдуард должен быть жив. А значит, необходимо отыскать и освободить мальчика или, по крайней мере, отомстить за него.

Эта мысль помогла колонисту встать на ноги — и он тут же приступил к ее осуществлению. И на этот раз он надеялся только на себя.

Ричард начал с того, что решил закалить себя от усталости и лишений и приучиться к опасностям бродячей жизни в лесных чащобах. Благодаря постоянным тренировкам Пальме научился стрелять без промаха из большого карабина; слоны и носороги, часто встречающиеся в необитаемых местностях Суматры, не раз падали от его пуль. В то же время и нож стал в его руках страшным оружием — в рукопашной схватке с диким зверем он научился бить в то место, где удар наверняка оказывался смертельным.

Конечно, и таких навыков уже было немало, но Ричард этим не ограничился — за три года благодаря постоянным блужданиям по лесу он сделал свое тело нечувствительным к вредному местному климату, научился спать на голой земле, обострил зрение и слух. Он даже находил удовольствие в трудностях, борьбе и опасности.

Пальме сделался выносливым, тело его приобрело силу и ловкость, и хотя он сильно похудел, все же мог переносить голод, жажду и усталость довольно долго. Даже на большом расстоянии Ричард различал шум от шагов по сухим листьям и мог идти по следу, не теряя его, на протяжении многих миль.

Во время этих продолжительных скитаний по лесам Суматры с Ричардом чего только не случалось. Однажды он схватился с огромным медведем, когда в его руках был только маленький топор, которым он прокладывал себе путь в густом кустарнике. Он останавливал диких буйволов метким выстрелом в середину лба, когда они пытались его атаковать. Он убивал тигров в тот момент, когда они, припав к земле в высокой траве, готовились прыгнуть на него и когда он видел только их блестящие глаза.

Но та опасность, к которой он больше всего стремился, как будто специально обходила его стороной. Ричард так и не повстречался с орангутанами. За три года он заметил только пару обезьян, да и то на очень большом расстоянии. Но он верил, что Провидение пошлет ему встречу

не только с орангутанами, но и с сыном. Пальме полагал, что обезьяны увели Эдуарда очень далеко, куда ему до сих пор не удалось еще проникнуть.

Во всех этих походах Ричарда сопровождал его верный друг – собака по имени Робин. Это было маленькое животное, похожее на мопса. На Робина нельзя было рассчитывать в серьезном столкновении с лесными обитателями, зато он обладал исключительно тонким слухом и чутьем. Днем Робин всегда шел шагах в двадцати перед Ричардом, заглядывая за кусты, нюхая следы и изучая все, что казалось ему подозрительным. Как только он замечал опасность, то отбегал в сторону, поджав хвост и робко тявкая, – и хозяин хорошо понимал все оттенки этого тявканья.

Ночью же Робин всегда устраивался возле ног Ричарда, который обычно ложился в углублении скалы, в дупле дерева или под его ветвями. Даже во сне собака поднимала голову при малейшем шуме. Ричард сейчас же вскакивал, схватив свой карабин. Именно поэтому никто не мог застать его врасплох.

* * *

Итак, прошло три года после похищения Эдуарда, когда Ричард в очередной раз отправился на несколько дней в лес.

Он вышел из имения, как обычно, с оружием, топором и кое-какой провизией. На этот

раз Пальме решил отправиться в новую часть леса — туда, где он еще никогда не бывал.

Два дня двигался Ричард вглубь леса. Ориентировался он при помощи карманного компаса. Он надеялся, что Эдуард может быть именно здесь, в этом самом месте, которое он еще не исследовал.

Чтобы не потеряться на новой местности, Ричард решил нарисовать план. Взяв за опорные точки три горы в центре острова, он забрался на одно из самых высоких деревьев и постарался как можно подробнее зарисовать то, что предстало его взору. Лишь после этого Пальме пошел дальше.

Эта часть леса сильно отличалась от той, что он знал. И Ричарду показалось, что это место пришлось бы по вкусу орангутанам: здесь было тепло (а обезьяны не любят холод), и почва была влажной, но не болотистой, поэтому на ней группами росли огромные деревья.

Ричард решительно двигался вперед.

Здесь было много такой высокой травы, что из нее порой не было видно ничего, кроме вершин ближайших деревьев.

Робин по обыкновению шел впереди Ричарда, держа нос по ветру, а глаза и уши — на чеку. Колонист не замедлил убедиться, что эта величественная и спокойная на вид местность таит в себе многочисленных обитателей. Он слышал хлопанье крыльев разных птиц. Широкие борозды, пересекающие луг, говорили о том, что здесь водятся и крупные животные. Но кроме одного буйвола, что жевал траву под деревом

и равнодушно посмотрел на охотника блуждающим взором, он не встретил ничего опасного.

День начинал клониться к закату. Останавливаясь на ночлег в новом для Ричарда лесу могло быть опасно, к тому же рядом не было видно ни скалы, ни дупла. Поэтому он стал искать подходящее место. Особенно важно было найти проточную воду – Ричарду совершенно не хотелось пить протухшую воду из встречных луж, а они с Робинот умидали от жажды. Надежды его скоро оправдались: он набрал на ручей со свежей и прозрачной водой.

Да и само это место было идеальным для ночлега. Здесь росли кокосы, инжир и бананы. Кроме того, Ричард заметил в огромных корнях бананового дерева довольно глубокое дупло, где они легко могли поместиться вдвоем с Робинот.

Уверившись, что это место свободно от «гостей», которые не согласились бы поделиться с ним ночлегом, Ричард быстро набрал мха и сухих листьев для постели. И когда он уже собирался лечь спать, Робин вдруг глухо заворчал.

Хотя охотник понял по тону этого ворчания, что опасности нет, он все же приложил к плечу свой карабин и осмотрелся.

В двадцати шагах от Ричарда трава раздвинулась, и оттуда вышел небольшой олень – обычный обитатель лесов Суматры. Не замечая охотника, он спокойно двигался к ручью, горделиво выставив свои ветвистые рога. И только Ричард хотел спустить курок, подумав, что мя-

со оленя будет неплохим ужином для них с Робинсом, как собака снова заворчала — и на этот раз иначе, с жалобным воем. Пальме тут же забыл об олене и начал внимательно оглядываться по сторонам.

Когда Ричард уже решил, что тревога была напрасной, он вдруг заметил, куда смотрит Робин. Колонист поглядел в ту же сторону — и различил в густой листве движение большого тела. Это был орангутан. Неужели ему наконец-то повезло?!

Сначала Ричард хотел выстрелить, но раздумал. Орангутан его не замечал. Наверное, он обитает неподалеку — так не лучше ли проследить за ним, а не стрелять сразу из чувства слепой мести?

Ричард опустил оружие и, спрятавшись за бамбуковым кустом, продолжал наблюдать за орангутаном. Тот тяжело перебирался с дерева на дерево, поскольку руки его были полны бананов.

Колонист схватил Робина, который был ему теперь только помехой, и оттащил подальше в дупло, приказав лежать смирно. Собака была хорошо выдрессирована, поэтому свернулась в клубочек и застыла.

После этого Ричард пополз по земле следом за орангутаном. Он старался двигаться как можно тише, чтобы не быть замеченным, но многочисленные стаи взлетающих птиц могли его выдать. Один раз Ричарду даже показалось, что обезьяна заметила его — она застыла и глухо заворчала. Но потом невдалеке

послышалось такое же ворчанье в ответ. Услышав это, Пальме обрадовался. Неужели он наконец нашел то, что искал долгих три года, — стаю орангутанов?!

Через несколько минут Ричард очутился на лужайке, защищенной от ветра густыми и массивными деревьями. Здесь протекал тот же ручей, на который они набрали вместе с Робинсом. Следы на берегу наводили на мысль, что сюда часто приходят, чтобы утолить жажду.

Но больше всего охотника поразили три шалаша из пальмовых листьев, напоминающие человеческое жилье. Два из них были сооружены на больших ветвях старого черного дерева*, а третий, казавшийся лучше и просторнее, был пристроен к стволу бавольника.

Ни один орангутан не показывался из шалашей, и Ричард сначала подумал, что они покинуты. Но он ошибся. Обезьяна снова издала свое таинственное ворчанье. И сразу же что-то зашевелилось на черном дереве, и в его ветвях показались две головы: одна — большая, звериная, другая — маленькая, с лицом, больше похожим на человеческое. Возможно, это были подруга и сын того орангутана, который принес бананы. Они вылезли из шалаша, уселись на большой ветке и все вместе принялись ужинать.

Ричард решил быть терпеливым и не поднимать тревогу раньше времени. И его осторожность вскоре была вознаграждена.

---

* Черное (эбеновое) дерево — тропическое дерево с очень твердой древесиной черного цвета.

Играя с кокосовым орехом, маленький орангутан пронзительно вскрикнул и наклонился к шалашу, выстроенному у ствола бавольника. Изнутри шалаша ответил чей-то голос, а затем оттуда вышло очень странное создание.

Это был не орангутан, а человеческий подросток.

У него были длинные всклокоченные волосы, острые ногти на ногах и руках и загорелое тело. Движения его были грубые и проворные, больше похожие на обезьяньи, нежели на человеческие. Но взгляд казался грустным.

Трудно описать волнение, охватившее Ричарда при виде этого существа. Он сразу узнал своего Эдуарда! Конечно, это уже был не тот маленький мальчик с розовыми щечками, которого он потерял: перед ним стоял подросток, загорелый и одичавший. Но все же это был он, его сын! Ричард хотел немедленно вскочить и крикнуть: «Эдуард, мой мальчик! Дорогой мой Эдуард!», но не смог вымолвить ни слова — настолько сильным было потрясение от неожиданной встречи с сыном.

Эта минутная слабость помогла Ричарду не выдать себя. И он вовремя сообразил, что напасть на орангутанов сейчас — значит перечеркнуть все свои прежние усилия, ведь он не одолеет сразу нескольких обезьян в одиночку. А самое главное — Ричард не знал, как Эдуард отреагирует на его появление: узнает ли он отца, не убежит ли от него?..

Мальчик между тем подошел к черному дереву, на котором сидела семья орангутанов.

Увидев его, маленький орангутан страшно обрадовался, закричал еще громче и стал звать Эдуарда на дерево, показывая ему великолепные фрукты. Но мальчик не спешил откликнуться на этот зов. Тогда орангутан спустился сам, подбежал к Эдуарду и бросился ему на шею. По-видимому, он его очень любил.

Эдуард высвободился из объятий малыша и пошел дальше, а маленький орангутан расстроился и разозлился: он бросил фрукты, которые держал в руках, и начал топать ногами, проливая слезы, которые утирал кулаком.

Но Эдуард не обращал внимания на эти капризы. Он подошел к ручью, напился из него, а потом с ловкостью, мало отличавшейся от ловкости обезьян, залез на высокую пальму. Там он принялся за ужин, срывая плоды и сразу отправляя их себе в рот.

Мать-обезьяна была тронута плачем своего детеныша и, ворча, старалась его успокоить. Отец же, закончив свой ужин, растянулся на ветке, но старался не терять из вида Эдуарда. Он, кажется, нервничал, если мальчик уходил далеко. Вероятно, решив, что Эдуард ушел слишком далеко и медлит с возвращением, орангутан сам направился к нему, прыгая с дерева на дерево. Бедный Эдуард, заметив его приближение и, по-видимому, ожидая наказания, быстро набил себе инжиром рот и ловко соскользнул по стволу дерева вниз, на землю. Он казался грустным, шагая обратно к шаламам, а орангутан, довольный его послушани-

ем, возвратился туда своей привычной дорогой — по ветвям деревьев.

У Ричарда от этой сцены сердце рвалось на части. Не было никакого сомнения, что Эдуарда держат здесь насильно, что обезьяны беспрестанно наблюдают за ним, не давая ему уйти далеко.

Как только мальчик вернулся, маленький орангутан снова прыгнул в его объятия. Спелый инжир, который дал ему Эдуард, восстановил дружбу, и они принялись играть в траве, явно с обоюдным удовольствием. Отец разлегся на черном дереве, а мать, сидя на земле, следила за их игрой.

Солнце садилось, а ночь здесь наступает быстро, без сумерек. Отец-орангутан повторил властное ворчанье и ушел в свой шалаш на черном дереве. Мать и детеныш залезли в другой, а Эдуард поспешил к своему шалашу. На лужайке все стало неподвижным и беззвучным.

Ричард не знал, что ему делать. Он страстно желал пообщаться с сыном, но его смущало то, что Эдуард так и не произнес ни одного слова. Не разучился ли он говорить по-человечески? Будет ли он способен понять и ответить, если к нему обратиться? Ричард все же решил рискнуть.

Подождав, пока орангутаны заснут, и убедившись, что вокруг достаточно темно и заметить его невозможно, Ричард подполз к шалашу сына, присел на корточки около входа и тихо сказал:

Отец-орангутан разлегся на черном дереве, а мать,
сидя на земле, следила за их игрой.

— Эдуард, дорогой Эдуард!.. Вспоминаешь ли ты о твоём отце?

В хижине послышалось резкое движение, как будто мальчик подпрыгнул на месте, а следом Ричард услышал глубокий вздох. Может быть, Эдуард подумал, что ему показалось.

Тогда Пальме продолжил:

— Эдуард! Эдуард! Разве ты забыл отца, который так тебя любил, и твою маму Елизавету, и кузину Анну?

Едва он закончил говорить, как сам ужаснулся от произведенного его словами эффекта. Возможно, Эдуарда поразила человеческий голос, которого он так давно не слышал, или он понял смысл сказанных слов, но мальчик вдруг выскочил из своего укрытия, испуская крики ужаса и, как бешеный, начал бегать, бросаясь во все стороны. Его рука сжимала дубину, которой он бил по воздуху, словно стараясь отогнать видение.

Наконец, растерянный, задыхающийся, весь в поту, мальчик бросил дубину, обхватил древесный ствол и, быстро взобравшись наверх, исчез в густой листве.

Эдуард долго не возвращался, и Ричард вынужден был уйти обратно на то место, где он оставил Робина. Он накормил собаку, но сам был так взволнован, что не мог притронуться к еде и не хотел спать.

Теперь, когда Ричард нашел сына, он не желал рисковать — боялся потерять его вновь. Конечно, нужно забрать ребенка у орангутанов. При этом договориться с Эдуардом невозможно,

как понял Пальме, попытавшись пообщаться с сыном этим вечером.

После долгих размышлений Ричард разработал следующий план: в одиночку ничего не предпринимать, вернуться в колонию, а потом прийти сюда с большой группой людей, которые смогут окружить хижину Эдуарда и захватить его. План этот был небыстрый, но верный, и Ричард хорошо продумал, как осуществить его, учитывая ошибки прошлой экспедиции.

Приняв решение, он тихо прошептал:

– Подожди немного, мой мальчик! Еще несколько дней, и твои страдания закончатся!..

Глава VI

Возвращение

Ричард пустился в обратный путь. Он надеялся за два дня дойти до Нового Дронтгейма, а на третий отправиться обратно в лес с большой группой людей, чтобы освободить Эдуарда из плена. Но одно неприятное происшествие расстроило его планы.

Ядовитая змея, которыми кишат леса Суматры, укусила Робина, когда он бежал впереди хозяина. Такое уже случалось раньше, а потому Ричард знал, что делать: нужно было положить на место укуса целебную траву. Но найти

ее на новой для него местности оказалось не так просто. Поэтому Пальме вернулся в колонию не через два дня, как он рассчитывал, а через четыре. Робин был жив, но не мог бежать, и Ричард нес его на руках.

Когда он наконец добрался до имения, госпожу Сиррей и Анну поразило его состояние. Ричард словно постарел на десяток лет. Его лицо было темным и сморщенным, как пергамент, борода – длинной и спутанной, а взгляд казался бессознательным. Одежда соответствовала выражению лица. Пальме так много встречался на своем пути с шиповником и колючими травами, что и рубашка, и штаны, и куртка – всё было изорвано.

Каждый раз после своих лесных скитаний Ричард приходил домой измученным, но никогда еще – до такой степени. Ноги его онемели, спина согнулась, лихорадочный взгляд говорил о страшном голоде. И все-таки, заметив сестру и племянницу во дворе имения, он ускорил шаг.

– Сестра! Дорогая Анна! Он жив, я его видел! – крикнул Ричард, останавливаясь и хватаясь за колонну. От голода и усталости у него закружилась голова.

– Ричард, о чем ты говоришь? – не разобрав его слов, спросила госпожа Сиррей.

– Дядюшка, – воскликнула Анна, подбежав к нему, – что произошло?

Ричард хотел ответить, но в горле першило и ноги подкашивались... Из последних сил он прошептал:

– Эдуард!.. Эдуард!.. Эдуард!.. – и рухнул без сознания, так и не выпустив из рук маленькое тельце своей собаки.

Встревожившись не на шутку, госпожа Сиррей и Анна приказали перенести Ричарда в дом и положить на кровать в его комнате, а затем позвали доктора фон Штеттена. Благодаря его энергии и усилиям колонист быстро пришел в себя.

– Да, милая сестра, да, дорогая Анна, да, мой добрый доктор, Эдуард жив! – воскликнул Пальме, как только открыл глаза. – Я его видел! Я был в нескольких шагах от него и мог бы с ним поговорить!

И он подробно рассказал о своих поисках в диком лесу. Доктор был изумлен до глубины души, а женщины не смогли удержаться от слез.

– Я пойду спасти Эдуарда завтра же утром, – сказал Ричард, заканчивая свой рассказ. – Теперь мне нужно собрать новую экспедицию... Вы поможете мне, доктор?

– Конечно! – горячо заверил колониста фон Штеттен. – Мы обязательно должны спасти малыша Эдуарда! Но вы уверены, что у вас хватит сил, друг мой? Все же этот поход вас сильно утомил.

– Я думаю, что не стоит медлить. Я не хочу вновь потерять Эдуарда. Впереди целая ночь, я успею отдохнуть и выспаться. А пока приведите ко мне Истребителя Слонов – у меня для него важное задание.

Чуть позже Ричард уже пересказывал свою историю отважному малайцу. Он дал Истребителю Слонов указание собрать хорошую команду из толковых людей для охоты на орангутанов и посулил всем солидное вознаграждение.

Многие из рабочих сочувствовали горю доброго хозяина поместья, поэтому на следующее утро, перед самым рассветом, как и хотел Ричард, они собрались во дворе поместья. В их числе были и сам Истребитель Слонов, и Дарий, и охотник Боа.

К экспедиции присоединился и доктор фон Штеттен.

— Благодарю вас за готовность помочь, любезный доктор! — сказал Пальме. Он не ожидал, что фон Штеттен решится пойти вместе со всеми в лес. — Как чувствует себя Робин? Не сможет ли он присоединиться к нам?

— Я должен сказать, друг мой, что Робину повезло, — серьезно ответил доктор. — Он пережил сильную лихорадку после укуса и мог погибнуть. Сейчас он вне опасности, но о том, чтобы он шел с нами, и речи быть не может. Ему нужно набраться сил. Госпожа Анна обещала присмотреть за ним.

— Нам будет сложно без него, но я благодарен вам за помощь. Вы готовы к походу?

— Конечно! — ответил доктор добродушно. — Мой ящик с лекарствами у одного из слуг, но главное, я взял с собой свой талисман!

И он раскрыл свой заплатанный зонт, с которым никогда не разлучался на прогулках.

Сначала идти было легко — то тут, то там в лесу попадались тропинки. Но постепенно деревья становились гуще, лианы переплетались чаще, гигантские папоротники, алоэ и кактусы на каждом шагу кололись своими шипами.

В таких условиях необходимы были строгие правила, которые никто не должен был нарушать в течение всей экспедиции, и Ричард постарался их установить.

Он сам и еще несколько человек шли впереди, расчищая дорогу ножами и топорами. На расстоянии ружейного выстрела от них двигалась группа охотников, в чью задачу входило отгонять при необходимости пулями диких зверей. За ними шел доктор фон Штеттен с лошадю, навьюченной багажом. И замыкали шествие еще несколько охотников, прикрывавших спину беззащитного (если не считать зон-та) доктора.

К ночи они должны были добраться до болота, которое делило лес пополам. Именно за ним находилась та опасная и неизведанная местность, где жили орангутаны.

Ричард рассчитывал, что, проведя ночь на болоте, на следующий день будет нетрудно перейти его, найти колонию орангутанов, освободить из плена Эдуарда и возвратиться на ночлег в то же место.

Но во второй половине дня идти стало тяжелее. Почва здесь была то каменистой и сухой, то вязкой и сырой, но хуже всего было то, что она оказалась завалена ветвями, огромными

листьями и лианами. Это очень замедляло движение. Но неутомимого Ричарда не пугали трудности: он, не колеблясь, вел охотников через эти мрачные дебри, легко и уверенно определяя направление по зарубкам, которые сделал во время своего предыдущего похода.

К месту ночлега охотники прибыли поздно. И застыли: перед их взорами открылся грандиозный пейзаж — огромное болото простиралось вдаль, и по другую его сторону с трудом можно было рассмотреть очертания леса в тумане. Местами виднелись широкие полосы свинцовой стоячей воды, чередовавшиеся с тростниковыми полянами, которые при малейшем ветре издавали сухой, трескучий шум. Здесь было множество птиц, с пронзительными криками летавших над болотом. Большие и маленькие обезьяны качались на верхушках пальм. Под ногами то и дело попадались змеи, а в самом болоте слышалось хриплое кваканье гигантских жаб.

Ночью в лагере было беспокойно. Охотников беспокоили комары, по всему лесу раздавалось рычание тигров, к которому присоединялись жабы. Иногда доносились звуки плюхающихся в воду тяжелых тел — это по-своему развлекались большие крокодилы, обитающие в болоте.

Заря пришла с обычным своим спутником, густым туманом, и все переменялось. Слоны перестали бродить под деревьями, ломая ветви хоботом, тигры умолкли, крокодилы спрята-

лись в тину, и только пение птиц приветствовало рассвет.

Все знали, что ранним утром двигаться по лесу проще всего, поэтому после команды Ричарда охотники сразу же оказались на ногах. Свернули плащи, на которых спали, погасили костры и быстро позавтракали остатками ужина.

Еще не было и полудня, когда охотники перешли болото и остановились на привал в тени ветвистых деревьев.

Теперь нужно было переменить тактику. По эту сторону болота следовало соблюдать тишину. У орангутанов тонкий слух, и никто из охотников не хотел выдать себя и получить палкой по голове.

Первым делом Ричард решил отправиться на разведку – удостовериться, что Эдуард находится на прежнем месте. Остальные же остались отдыхать.

Колониста не было чуть больше часа. Солнце палило во всю мощь. Никто, казалось, уже не мог выносить его жар. Даже доктор растянулся на спине под тенью своего зонта и не двигался; огромные муравьи могли спокойно кусать его – у бедняги не был сил их отгонять.

Однако все разом взбодрились, когда вернувшийся Пальме взволнованно закричал:

– Я видел Эдуарда!.. Видел орангутанов!.. Готовьтесь! Они от нас на расстоянии получаса ходьбы!

Услышав это, фон Штеттен поднялся на ноги и сказал, отирая пот с лысины и отдуваясь:

— Может, мне представится случай измерить лицевой угол* орангутана! Как это было бы замечательно!..

Ричард отдал приказ окружить место обитания орангутанов, и сделать это в глубокой тишине, заботясь только о том, чтобы захватить Эдуарда. Стрелять в обезьян без крайней надобности Пальме запретил: он знал, что, если хоть один из орангутанов будет ранен или убит, другие придут в ярость и бросятся на охотников.

Кроме того, у Ричарда была еще одна причина требовать от своих людей особой осторожности.

Когда во время разведки он подбирался к шалашам, в ветвях что-то треснуло. Он поднял голову и увидел орангутана, который, видимо, неудачно повернулся во сне и сломал ветку. Обезьяна не заметила Ричарда, зато Ричард понял, что этот орангутан — часовой, он охраняет спокойствие стаи четвероруких. Удивительно, как он не наткнулся на него в первый свой приход.

В любом случае это осложняло охотникам задачу. И Ричард пополз к знакомой ему лужайке с удвоенной осторожностью. Убедившись, что Эдуард по-прежнему там — играет

---

* Лицевой угол — угол наклона лица по отношению к вертикали. У европейской расы он равен 80 градусам, у орангутанов составляет 58 градусов.

с маленьким орангутаном, — Ричард вернулся к своим спутникам.

Вскоре охотники приступили к осуществлению намеченного плана. Шли они в строгой тишине, не разговаривая друг с другом даже шепотом. Приходилось держаться по возможности под прикрытием деревьев, а где их не было — ползти на животе в густой траве.

Постепенно они окружили лужайку. Две группы охотников, заходившие с разных сторон, выстроились так, что образовали кольцо. Расстояние между людьми оказалось не более десяти шагов, и все, что находилось в этом кольце, должно было неминуемо попасть к ним в руки, если только оно не умело летать.

Ричард и Дарий держали ружья наготове, и фон Штеттен старался им подражать, выставив ружье перед собой, словно свой любимый зонтик. Но орангутаны не показывались. Это было очень подозрительно, ведь Пальме видел их всего час назад. Опасения не замедлили оправдаться. Послышался глухой удар, и один малаец упал, словно пораженный молнией. В то же мгновение со всех сторон раздались дикие крики, а на деревьях поднялась страшная суматоха.

Огромные ветви с шумом падали на охотников, мелкие щепки и листья вихрем кружились в воздухе. Люди начали стрелять, распушивая обезьян, и увидели, как огромные мохнатые тела быстро взбираются на верхушки деревьев, растущих вокруг поляны.

– Сейчас, сейчас! – воскликнул Пальме, когда поблизости не осталось ни одного орангутана. – Нельзя терять ни минуты! Эдуард в своем шалаше, я знаю, я уверен... Поспешим!..

И он бросился к шалашу в сопровождении Дария и доктора.

За тонкой стенкой из пальмовых листьев слышался шорох и взволнованное, испуганное дыхание Эдуарда.

Как же быть? Все остановились в нерешительности. Пробить стену топором было несложно, но как не напугать при этом мальчика?

Ричард дал окружающим знак хранить молчание, а сам, подойдя вплотную ко входу в шалаш, произнес нежным голосом:

– Эдуард, не бойся, милый мальчик... Это я, твой отец, я так долго искал тебя и наконец нашел... Я пришел освободить тебя из плена!..

Он замолк и прислушался. В шалаше было тихо.

А потом Эдуард зарыдал.

– Не плачь, мое бедное дитя, – сказал Ричард, чувствуя, как от жалости к сыну дрогнуло его сердце. – Теперь все будет хорошо!..

– Отец! – ответил задыхающийся голос.

В ту же минуту Эдуард, бледный, с всклокоченными волосами, выскочил из своего жилища.

Тысяча разных чувств отразилась на его загорелом лице при виде людей, молча стоявших возле хижины. Удивление, радость, но главное – ужас.

– Здравствуй, Эдуард! – тихо сказал Ричард.

Мальчик явно хотел ответить, но язык его не слушался. Он что-то невнятно промычал и повесил голову, словно смутившись.

Подобное поведение, сильно отличавшееся от поведения орангутанов, обрадовало Ричарда, и он спросил:

– Сын мой, разве ты позабыл своего отца?

– Отца! – с трудом, как эхо, повторил Эдуард. А затем вдруг сам произнес ясно и отчетливо: – Мама!

У Ричарда слезы навернулись на глаза. Не только потому, что его бедный мальчик вспомнил это святое слово, но и потому, что он уже никогда больше не увидит свою мать.

А Эдуард между тем повторял, словно в бреду:

– Отец... мама... Анна...

– Он вспоминает! – воскликнул Ричард. – Он помнит тех, кого любил! О, слава Богу! Сын мой возвращен!

После этого Пальме шепнул что-то Дарию, и тот подал ему пакет. В нем оказалась голубая рубашка – самый простой наряд, в который, как Ричард надеялся, его сын не откажется облачиться.

Сначала он показал ее Эдуарду, но, когда захотел одеть его, мальчик задрожал и напрягся в явном желании защититься. Ричард произнес несколько ласковых слов, чтобы успокоить сына, и все-таки смог набросить этот нехитрый наряд на плечи Эдуарда.

Оставаться дольше под густыми деревьями было опасно, и Пальме, взяв мальчика за руку, сказал ему:

– Пойдем, Эдуард, пойдем... Надо уходить.

В этот миг с соседнего дерева слышались пронзительные крики. Эдуард застыл, впившись взглядом в крону.

Это кричал молодой орангутан: вероятно, он понял, что его друг скоро уйдет с неизвестными, а потому опасными существами, и явно тревожился за него.

К удивлению Ричарда, Эдуард вдруг ответил на эти крики каким-то диким ревом. Обезьяны, сидевшие на других деревьях, сердито заворчали, но молодой орангутан молчал, словно внимательно слушал.

Казалось, мальчик сообщает своему другу что-то очень важное. Он явно давал понять, что собирается уходить. И когда Эдуард умолк, орангутан ответил ему грустным пронзительным криком, а потом махнул рукой, словно прощаясь.

Мальчик улыбнулся и, повернувшись к отцу, сказал:

– П-дем.

Ричард догадался, что это означает «пойдем» – видимо, Эдуард запомнил, как он сам произносил это слово минуту назад.

Охотники уходили с лужайки в полном молчании. Некоторые были разочарованы – все же им не удалось убить ни одного орангутана. Они ожидали, что обезьяны будут защищать свою

добычу, но, судя по всему, Эдуард смог что-то объяснить им на их странном языке.

И хотя где-то в глубине души Ричарду хотелось отомстить орангутанам за три года поисков сына в лесах Суматры, он понимал, что безопасность мальчика для него важнее.

Поэтому Пальме просто взял Эдуарда за руку и повел прочь из леса.

* * *

Наверное, будет лишним говорить о том, как обрадовались возвращению Эдуарда Анна и госпожа Сиррей. Первое время их глаза постоянно были мокры от слез, но в дальнейшем, когда к мальчику начала возвращаться речь, они стали больше улыбаться.

Унаследовав от своей тети Елизаветы дар преподавателя, Анна с удвоенным рвением принялась учить брата и радовалась тому, что после своего приключения Эдуард начал относиться к знаниям совсем не так, как раньше. Казалось, что сам он не хочет оставаться орангутаном, а стремится быть человеком. А знания, как он теперь понимал, играли в этом деле непоследнюю роль.

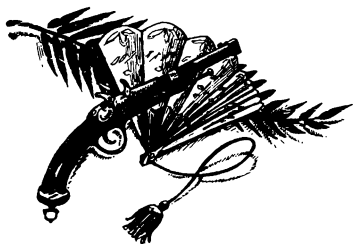
Что же было дальше?

Эдуард вырос, женился, и о том, что он целых три года провел в лесу с орангутанами, напоминала только его нечеловеческая ловкость в лазании по деревьям.

Эту историю он часто рассказывает своим детям, которые слушают его с открытым ртом. А заканчивает ее он всегда так:

— Помните, как это важно — быть человеком. Если бы я не узнал, что такое быть обезьяной, то я бы, может, и не вырос настоящим человеком. Так и остался бы обезьяной, которая делает только то, что хочет, и не желает учиться.

Теперь же я — человек, и я могу говорить об этом с гордостью.

Оглавление

Предисловие от издательства	3
<i>Глава I. Тигр</i>	5
<i>Глава II. Орангутан</i>	41
<i>Глава III. Похищение</i>	66
<i>Глава IV. Преследование</i>	85
<i>Глава V. Дитя лесов</i>	99
<i>Глава VI. Возвращение</i>	113

Литературно-художественное издание
ДЛЯ СРЕДНЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Для Тьертэ
ДИТЯ ЛЕСОВ

Ведущий редактор *М. А. Тодорова*
Художественный редактор *Е. М. Володькина*
Технический редактор *Н. В. Савостьянова*
Компьютерная верстка *Е. В. Фроловой*
Корректор *Н. П. Власенко*

Подписано в печать 29.05.2017.
Формат 60×90^{1/16}. Гарнитура Школьная.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 8,0. Тираж 3000 экз.
Изд. № 1421. Заказ № ВЗК-02784-17.

ЗАО «ЭНАС-КНИГА».
115114, Москва, Дербеневская наб., 11.
Тел. (495) 913-66-30. E-mail: sekr@enas.ru
<http://www.enas.ru>

facebook.com/enas.kniga
instagram.com/enas.kniga
vk.com/enas.kniga
ok.ru/enas.kniga

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «Дом печати — ВЯТКА».
610033, г. Киров, ул. Московская, 122.

[Redacted]

[Faint, illegible handwritten text]

